

МОЛОДЕЖЬ И НАУКА XXI века

*Материалы XV Международной
научно-практической конференции студентов,
аспирантов и молодых ученых*

Красноярск, 2014 г.

Электронное издание

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«КРАСНОЯРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
им. В.П. Астафьева»

**Молодежь и наука XXI века
XV Международный форум студентов,
аспирантов и молодых ученых**

**Материалы научно-практической конференции
Секция «Философия и социология»**

Красноярск, 23–24 апреля 2014 г.

Электронное издание

Красноярск
2014

ББК 74.00
М 754

Редакционная коллегия:

Е.Н. Викторук (отв. ред.)

Н.И. Глухих

Н.И. Мартишина

В.В. Минеев

А.С. Черняева

М 754 Молодежь и наука XXI века: XV Международный форум студентов, аспирантов и молодых ученых: материалы научно-практической конференции. Секция «Философия и социология». Красноярск, 23–24 апреля 2014 г. [Электронный ресурс] / отв. ред. Е.Н. Викторук; ред. кол.; – Электрон. дан. / Краснояр. гос. пед. ун-т им. В.П. Астафьева. – Красноярск, 2014. – Систем. требования: PC не ниже класса Pentium I ADM, Intel от 600 MHz, 100 Мб HDD, 128 Мб RAM; Windows, Linux; Adobe Acrobat Reader. – Загл. с экрана.

ISBN 978-5-85981-751-1

ББК 74.00

ISBN 978-5-85981-751-1

© Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева, 2014

СОДЕРЖАНИЕ

<i>А.Е. Волкова.</i> ПРОБЛЕМА ОДИНОЧЕСТВА В ТЕХНОГЕННОМ ОБЩЕСТВЕ.....	5
<i>Д.В. Епланов.</i> «ПЕРЦЕПТИВНЫЙ ЭДЕМОНИЗМ» КАК ПРЕДМЕТ ЭТИКО-ФИЛОСОФСКОЙ РЕФЛЕКСИИ.....	7
<i>А. Илларионова, А. Концеренко.</i> ОДИНОЧЕСТВО КАК ФИЛОСОФСКАЯ ПРОБЛЕМА: ЗЛО ИЛИ БЛАГО?	9
<i>В.С. Коломейцев.</i> СМЫСЛЫ ПОНЯТИЯ «БЕЗОПАСНОСТЬ» В РАБОТЕ Н.К. МИХАЙЛОВСКОГО «ГЕРОИ И ТОЛПА»	12
<i>А.О. Савченко.</i> МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКАЯ НАПРАВЛЕННОСТЬ ЮМОРИСТИЧЕСКОЙ ФАНТАСТИКИ.....	14
<i>С.С. Шаталова С.</i> ФРАНК О СВОБОДЕ И РАБСТВЕ. (Ф.М. ДОСТОЕВСКИЙ «ЛЕГЕНДА О ВЕЛИКОМ ИНКВИЗИТОРЕ»)	16
<i>О.А. Гендина.</i> СОВРЕМЕННЫЕ ГЕНДЕРНЫЕ НОРМЫ И ПРАКТИКИ	19
<i>А.А. Егорова.</i> К ПРОБЛЕМЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ЛОКАЛЬНЫХ АРТ-РЫНКОВ (НА ПРИМЕРЕ ЛОУРЕНСА, ШТАТ КАНЗАС)	22
<i>Д.В. Епланов.</i> СОЦИОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ОБРАЗОВ (НА ПРИМЕРЕ РОМАНОВ В.ГЮГО «ОТВЕРЖЕННЫЕ» И А. ФРАНСА «ПРЕСТУПЛЕНИЕ СИЛЬВЕСТРА БОНАРА»).....	24
<i>А.В. Конухова.</i> ЭТИКА НЕНАСИЛИЯ И ПРОЦЕСС ГЛОБАЛИЗАЦИИ	27
<i>К.Р. Лотарева.</i> МЕСТО ЖЕНЩИНЫ В ОБЩЕСТВЕ: ФИЛОСОФСКИЙ ВЗГЛЯД.....	30
<i>О.Ф. Лысенко.</i> АНАЛИЗ ФОРМИРОВАНИЯ И РАЗВИТИЯ ТЕОРИЙ МАТЕРИНСТВА В ПСИХОЛОГИИ	33
<i>М.А. Соколов.</i> К ВОПРОСУ О ЦЕЛЕСООБРАЗНОСТИ СМЕРТНОЙ КАЗНИ	36
<i>В.Я. Фишер.</i> ЛИТЕРАТУРНОЕ РАЗВИТИЕ И ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛИЗАЦИИ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ	39
<i>О.С. Ардюкова.</i> ОБУЧАЮЩИЕ ТЕХНОЛОГИИ ЭТИКИ ЛИДЕРСТВА.....	42
<i>Л.В. Довыденко.</i> МЕТОДИКА ПРОЩЕНИЯ ТРУДИ ГУВЬЕ КАК ЭТИКО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ ТЕХНОЛОГИЯ.....	46
<i>С.Н. Казипин.</i> ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ФИЛОСОФИИ ТЕХНИКИ	48
<i>Ю.О. Кикоть.</i> ИНТЕРАКТИВНЫЙ ПОДХОД К РЕШЕНИЮ АКТУАЛЬНЫХ ФИЛОСОФСКИХ ПРОБЛЕМ ОБРАЗОВАНИЯ.....	50

<i>А.В. Огородникова.</i> ТВОРЧЕСТВО Б. АКУНИНА В ДЕКОНСТРУКТИВИСТСКОЙ ПАРАДИГМЕ	52
<i>Т.М. Огрызкова.</i> НАУЧНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ В ЭКОЛОГИИ	54
<i>О.М. Ступакова.</i> К ВОПРОСУ О НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ МЕТОДОЛОГИИ ЭКОЛОГИИ	56
<i>И.В. Турова.</i> РОЛЬ МАТЕМАТИЧЕСКИХ ЗНАНИЙ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ	59
<i>О.В. Шевченко.</i> КЕЙС-СТАДИ КАК ИНТЕРАКТИВНАЯ ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ТЕХНОЛОГИЯ.....	62

ПРОБЛЕМА ОДИНОЧЕСТВА В ТЕХНОГЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

А. Е. Волкова

*Сибирский государственный университет путей сообщения
Научный руководитель доктор философских наук, профессор
А.Н. Быстрова*

Одиночество...

Пожалуй, самой мучительной для мировосприятия человека является нравственно-психологическая проблема одиночества. Она ярко изображалась в мировой художественной литературе, нашла свое место в этике, философии, социологии, психологии. Проблема одиночества многогранна. Многие философы, ученые выдвигали философско-этические идеи о стремлении человека быть целостным в своей сущности, что возможно только в единении с другим человеком. Например, у Платона в диалоге «Пир» Аристофан рассказывает миф о том, что некогда существовали андрогины – существа, соединяющие в себе мужское и женское начало. Зевс наказал их за попытку напасть на богов и разрезал каждого на две части, так появилось мужское и женское существа, после этого «каждый ищет всегда соответствующую ему половину». В Детской Библии говорится, что Бог создал человека (Адама) по образу Своему. Но был он один одинешенек. Ему не с кем было говорить, не с кем ходить, не с кем радоваться. Оттого ему иногда было скучно. Милосердному Богу жалко было Адама и Он решил: «не хорошо быть человеку одному. Лучше создать для него жену, которая всегда была бы с ним». Он навел на Адама необыкновенно крепкий сон, вынул из груди его одно ребро и из этого ребра создал жену – Еву. Человек стремится к нравственно-психологическому «слиянию душ», к идеалу. Поэтому вопрос одиночества превратился в предельно болезненный для социально-нравственного самочувствия человека. Люди независимо от пола, возраста, хоть раз в своей жизни задумываются над ним.

На сегодняшний день все больше людей чувствуют себя заброшенными, забытыми и никому не нужными. Это губительное проявление морального отчуждения. Хотелось бы указать на точку перелома в мироощущении человека. По каким причинам человек стал чувствовать нравственно-психологическое одиночество? С какого момента? Какие факторы этому поспособствовали? Во времена исторических разломов, когда старая культура уже распадается, а новые ценности еще не сложились, отдельные мыслители, философы могут увидеть и оценить истинные бытия человека. И приходят к выводу о том, что людям необходимо совершенствовать межличностные отношения.

XXI век – век знаний, наукоемких производств, высоких технологий и стремительных инноваций. Но при всем при этом жизнь людей предстала как тотально разъединенная равнодушием и непониманием. Изначально человек являлся творцом. Он создавал, придумывал, осваивал что-то новое. Оглянитесь вокруг, сколько всего создал человек! Здания, небоскребы, дороги, трубопроводный, железнодорожный, автомобильный, водный и авиационный транспорт, электричество, средства телекоммуникаций, промышленные заводы, различные организации, экспериментальные установки на Земле и в Космосе, а также целые города... С результатами человеческого труда мы взаимодействуем постоянно. Но одновременно человек стал все шире взаимодействовать с машиной, которая отбирает у него реальность, недоступную «машинному времени».

Ни один современный человек не станет отрицать, что информационные технологии играют огромную роль в его жизни. Сегодня, наверное, невозможно назвать хоть одну сферу, где прямо или косвенно не задействованы информационные технологии. И в школе, в университете ученики домашние задания могут делать в сети Интернет, работая с программами, получая задание, решая его и отправляя на проверку преподавателю. Человек оказался выброшенным за пределы общения. Стало возрастать значение безличных средств общения (через массовые коммуникации) в ущерб непосредственным, личным, «неформальным» контактам. Диалог, который смягчает борьбу с атомизацией и социальным отчуждением человека в массовом индустриальном обществе, перестает быть первостепенным. Вещный, создаваемый руками человека мир поработывает его, превращает в «слугу вещей» (Э. Фромм), происходит, по словам американского этика Г. Мюллера, «вытеснение индивидуальности комфортом».

В настоящее время развитые информационные технологии позволяют, не выходя из дома, общаться, работать, получать образование, совершать покупки, читать книги, смотреть фильмы. Совершая покупки в интернет-магазине, нельзя проконсультироваться, получить совет у продавца. Похожая ситуация с видеоуроками, когда контакта между людьми не происходит. Человек, который объясняет нам что-либо, не знает, понимает ли его слушатель, не видит его эмоционально-психологического состояния. Он не в состоянии ответить на вопросы, если они возникли. Видеозапись будет продолжаться. Следовательно, человек контактирует именно с машиной, компьютером. Современная компьютеризация превращает разум в рассудок, утративший образную, эмоциональную окрашенность мышления и общения. Личность же формируется только в условиях общения, и никакая машина не заменит общения между людьми. А. И. Титаренко считает: «Общество психологически стареет от одиночества, снижается физическое здоровье, деформируются духовные коммуникации, ценности, превращаясь в анонимную информацию, рассчитанную на усредненного потребителя». А, как известно, чем богаче индивидуальность, тем богаче диалог. Общаясь в социальных сетях, мы приобретаем большое количество друзей, знакомых, происходит ускорение общего ритма и связанное с ним расширение круга общения, которое ведет к утере глубины и непосредственности любого чувства. Человек чувствует себя опустошенным в мелькании похожих друг на друга встреч, фраз, жестов. Возникает иллюзия насыщенной жизни. Следует заметить, что виртуальное общение само по себе в большинстве случаев и является иллюзией, в реальной жизни, встретив своего друга по переписке, вы можете не найти с ним общего языка. Э. Фромм говорил: « существует два типа отношения человека к миру: биофилия (ориентированное на любовь к живому) и некрофелия (противоположное понятие; любовь к неживому, к механизмам)».

Общественное разделение труда повлияло на чувство одиночества. Нынешнее производство нацелено на количество. Усиливается «обезличивание труда», часто исчезает радость творчества. Простой пример. Бумагу производят на бумажных фабриках. Основным сырьем для производства бумаги является древесная целлюлоза. Сначала лесорубы вырубают деревья. Затем с этих деревьев машины сдирают кору, измельчают в щепки. Рабочие на специальной перерабатывающей машине меняют форму и структуру бумажных волокон. Другие работники окрашивают бумагу в смесителе. Сырую бумажную ленту отжимают, обогревают, высушивают, полируют, наматывают в огромный рулон. И, наконец, в типографии эти рулоны режут на листы. Таким образом, в приготовлении бумаги участвует большое количество людей, которые практически не взаимодействуют между собой. Для них само производство бумаги становится самоцелью. Лесорубы могут и не знать, что стало с вырубленным деревом. Изготовили журналы, газеты, тетради. Для них и не имеет никакого значения, какой в итоге получится результат. Ведь они трудятся только ради частных целей. Для многих работа является только лишь возможностью заработать. Люди не предоставляют всего себя своему делу, не получают удовольствия от того, что делают, не возникает и вопроса о пользе себе и окружающим. На работе, в коллективе проходит большая часть дня. Но если человеку не нравится то, чем он занимается каждый день, через некоторый промежуток времени, он начинает чувствовать тоску и отчужденность. Одиночество – массовое мироощущение и состояние людей – появляется нравственная разобщенность.

В книге «Антиидеи» А. И. Титаренко рассмотрено высказывание «Мы живем в век кнопок, – пишет американский социолог Дж. Диболд. – Кнопки сегодня нажимаются сами по себе». Возникает настроение безнадежности всякой личной моральной инициативы перед лицом могучих государственно-бюрократических механизмов. Человек становится игрушкой в руках. Все больше встречается людей, равнодушных к окружающему миру. Антуан де Сент-Экзюпери писал: «В нашем мире все живое тяготеет к себе подобному, даже цветы, клонясь под ветром, смешиваются с другими цветами, лебедю знакомы все лебеди – и только люди замыкаются в одиночестве». Некоторые даже гордятся этим. Им абсолютно все равно, что происходит вокруг. А если перед тобой стоит человек, быть может, даже близкий родственник безразличный, бесчувственный, вялый, то и желание к эмоциональному контакту слабеет. Начинаешь чувствовать незначительность личного существования. Ведь даже самые близкие люди могут без тебя легко обойтись. Возникает вопрос: «в чем же смысл существования?». Лев Толстой считал: «то спокой-

ствие, которое сродни прямому равнодушию, синоним «душевной подлости», вдруг обретает свои «права гражданства», одобряемых нравственных качеств личности».

Технологии – это настоящее и будущее всего человечества, и общество уже не сможет отказаться от такого комфортного помощника и советчика. Хотя американский идеолог Л. Мамфорд утверждает, что ее достижения ничего не прибавляют к человеческому счастью, а вот отнимают очень много.

Александр Грин считает: «Одиночество – вот проклятая вещь! Вот что может погубить человека». Поэтому нужно решать проблему одиночества, а решить можно, лишь совершенствуя культуру общения. Что может быть радостнее узнавания другого человека? Давайте станем более заинтересованными, воспитанными, деликатными, искренними, гуманными по отношению друг к другу. Хотя нужно заметить, что со временем люди должны урегулировать пользование технологиями.

Библиографический список

1. Титаренко А. И. Антиидеи. – М.: Политиздат, 1984. – 478 с.
2. Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности: – М.: Республика, 1994. – 447 с.

«ПЕРЦЕПТИВНЫЙ ЭДЕМОНИЗМ» КАК ПРЕДМЕТ ЭТИКО-ФИЛОСОФСКОЙ РЕФЛЕКСИИ

Д.В. Епланов

Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева

Научный руководитель кандидат философских наук, доцент

Б.М. Машевский

Эвдемонизм, как этико-философская концепция, был популярен в Античности. Его придерживались многие философы, единодушно полагая, что каждый человек стремится к счастью, и эту же цель преследует философия. Это ни в коей мере не мешало мыслителям древности решительно спорить друг с другом, но не в вопросе цели, которую признавали все, а в вопросе ее содержания или необходимых условий ее достижения. Что делает человека счастливым? Знание (Сократ), справедливость (Платон, в «Государстве»), сочетание удовольствия и мудрости (Платон, в «Филебе»), разум или созерцание (Аристотель), равнодушие (Пиррон), удовольствие (Эпикур), добродетель (стоики)... Все эти определения эвдемонизма не столько дополняют друг друга, сколько разнятся между собой. Ищут все они одно и то же – счастье, но каждый из них находит свое собственное счастье.

В нашем понимании в основе эвдемонизма лежит совокупность актов осмысления определенного образа перцепции; ресурсом эмоционального переживания выступает познавательный психический процесс, формирующий мироощущение и мировосприятие субъекта.

Исчезнувший с началом европейской христианизации, эвдемонизм вкупе с эпикуреизмом вновь выходит на авансцену философии уже в работах мыслителей эпохи Возрождения, в частности Бокаччо и Петрарки. В XVII веке эпикуреизм находит отражение в этико-философских концепциях французского материалиста Пьера Гассенди. Последователями Гассенди были Б. Фонтенель, Ж. Лафонтен и Сирано де Бержерак.

Во второй половине XVIII века Французские просветители вновь обращают пристальное внимание на комплекс этико-эстетических взглядов, чаще всего обозначаемый понятиями эвдемонизма и эпикуреизма. В представлениях мыслителей Просвещения (Ламетри, Гольбах, Гельвеций) этика эгоизма или удовольствия находилась в теснейшей логической связи с материалистической философией. Причины этого нового эпикуреизма имели много сходства с причинами старого, равно как и результаты, достигнутые обоими. Но, несмотря на это, оба имели в одном весьма важном пункте различный характер. Древний эпикуреизм не был разрушителем прежних религиозных воззрений; он сумел к ним приспособиться. Он не представлял собою также учения какого-либо революционного класса, он не проповедовал борьбы, а только созерцательное наслаждение.

Иначе дело обстоит с философией Просвещения. Конечно, и она имела консервативный

принцип; она видела счастье в созерцательном наслаждении, поскольку она служила потребностям придворной знати, извлекавшей средства к существованию из абсолютной государственной власти. Тем не менее, главным образом она была философией наиболее интеллигентных, развитых, а также смелых элементов развивающейся буржуазии. Это придавало ей революционный характер. Являясь, прежде всего, противоположностью прежней религии и этики, она, соответственно росту сил и самосознания буржуазии, становилась всё более и более воззрением борьбы, которое было совершенно чуждо античному эпикурейству – борьбы против клерикалов и тиранов, борьбы за новые идеалы.

Французские материалисты объясняют формы и характер нравственных воззрений, высоту нравственных эмоций жизненными отношениями людей, а именно, государственным устройством и воспитанием. Человек всегда руководствуется эгоистическими интересами, но они могут стать и общественными интересами, если общество организовано так, что личные интересы совпадают с общественными. Но истинная добродетель состоит в заботе об общем благе; она может развиваться только там, где человек вместе с общим благом содействует также и своему собственному, где он не может повредить общему благу, не повредив также и самому себе.

Только незнание вечных высших интересов личности, неведение относительно лучшей формы государства, общества и воспитания делает возможным состояние, которое вызывает неизбежно конфликт личных интересов с общим благом. Стоит только уничтожить это незнание, найти соответствующую требованиям разума форму государства, общества и воспитания, и тогда счастье и добродетель приобретут навсегда твёрдый фундамент.

В этом состоит революционная сущность французского материализма, который объясняет противоречия между общественными и личными интересами граждан несовершенством, более того – порочностью существующего государственного устройства. В данной констатации обнаруживаются некий изъян, слабость этической позиции французского материализма.

Ведь понятно, что недостаточно только лишь найти лучшую форму государственного и общественного строя. Нужно также бороться за неё, выступить против господствующих властителей и низвергнуть их, чтобы обосновать царство добродетели. Для этого необходима огромная нравственная сила; но откуда же она должна взяться, если существующее общество настолько дурно, что оно не даёт развиваться никакой добродетели, никакой нравственности. Разве не должна уже существовать более высокая нравственность, прежде чем может возникнуть более высокая форма общества? Разве не должен нравственный идеал жить в нас раньше, чем нравственный строй должен осуществиться? Но откуда же возьмётся этот нравственный идеал в порочном мире?

Век Просвещения во многом предвосхитил понимание этического комплекса эвдемонизма и эпикуреизма характерное для всего индустриального общества.

Сегодня эвдемонизм – одна из основных этических концепций постиндустриального общества. Бесспорно, человеческое поведение сегодня определяет стремление к такому состоянию, которое соответствует наибольшей внутренней удовлетворённости условиями своего бытия.

Стоит обратить внимание на тот факт, что для этико-философского исследования проблемы эвдемонизма вполне определённый интерес представляет художественная литература, где рассматриваемая нами тема подвергалась всестороннему осмыслению. Представляющие интерес произведения можно разделить на четыре группы. За основание классификации возьмём специфическую роль процесса и результата восприятия (перцепцию), а также набор средств художественной выразительности, необходимый автору для художественной обработки этого психического явления.

Литература «детского восприятия» («Маленький принц» А. де С.-Экзюпери, произведения Селинджера, «Вино из одуванчиков» Бредбери). Восприятие здесь – умозрительное, а осмысление его непредвзято и объективно.

Литература эстетизма (работы О. Уайльда, А. Суинберна, Д. Уистлера и Д. Россетти, «Очарованный странник» Лескова). В данном случае авторы подчеркивают преобладание эстетических ценностей над этическими и над социальными проблемами.

«Отрицающая» литература («Тошнота» Сартра, «Посторонний» Камю, «Четыре дня» Гаршина, «Голод» Гамсуна) характеризуется отрицанием, во-первых, восприятия фактов общественно-го, во-вторых, отрицанием восприятия противного этико-эстетическому вкусу субъекта познания.

«Преображающая» литература («Идиот» Достоевского, «Отверженные» Гюго). Образ перцепции оказывает значительное воздействие на субъект, изменяет не только первоначальные этические установки, но также сам процесс восприятия.

В заключение обратим внимание на то, что продуктивный анализ перцептивного эвдемонизма тесно связан с выявлением сущностной основы восприятия на различных этапах процесса восприятия субъектом фактов реальности.

Восприятие как психический процесс есть непосредственная реакция человеческой природы, вызванная воздействием на неё факторов внешней среды, «маркированных» субъектом как «пёстрые», «из ряда вон выходящие». Данный этап можно обозначить как феноменологический.

Далее, вне зависимости от природы ощущения, восприятие в обязательном порядке включает в себя процесс ментальной обработки (пусть даже бессознательной) полученной информации.

На следующем этапе образы восприятия в сознании человека структурируются в определённой иерархии. Какие механизмы ответственны за иерархизацию до конца не понятно. Вне всякого сомнения, данный процесс субъективен, «нагружен» индивидуальным социальным опытом, сложившейся системой ценностей индивида. Для прояснения процесса перцептивной иерархизации предполагаем в дальнейшем воспользоваться конструктом «идолы интерпретации» (по аналогии с известным конструктом Ф.Бэкона «идолы сознания»).

Отдельного внимания заслуживает этап интерпретации. «De gustibus non est disputandum», – утверждали древние. Действительно, этические предпочтения, лежащие вне общественной угрозы, пусть не одобряемые, но и не запрещенные им, достаточно широко распространены и в наше время. Однако, несмотря на то, что в этико-философских исследованиях проблема интерпретации перцептивных воздействий субъектом представляется одной из актуальных, но, тем не менее, является недостаточно исследованной. На наш взгляд, представляется перспективным рассмотрение данной проблемы в контексте постнеклассических представлений с такими концептами как “неравновесная система”, “флуктуация”, “бифуркация”, “аттрактор” и т.д., которые всё шире входят в практику социально-гуманитарных исследований.

Библиографический список

1. Кассирер Э. Философия Просвещения // Центр гуманитарных инициатив. – 2013. – 400 с.
2. Чубаров И. Тайные пружины искусства. Статьи по философии искусства, этике и культурологии. 1920 – 1950 гг. // Логос Альтера. – 2004. – 212 с.
3. Рассел Дж. Эвдемонизм // Книга по требованию. – 2012. – 106 с.
4. Шахнович М. Сад Эпикура. Философия религии Эпикура и эпикурейская традиция в истории европейской культуры // Издательский дом СПбГУ. – 2002. – 284 с.
5. Гюйо М. Происхождение идеи времени. Мораль Эпикура и ее связь с современными учениями // Книга по требованию. – 2011. – 376 с.

ОДИНОЧЕСТВО КАК ФИЛОСОФСКАЯ ПРОБЛЕМА: ЗЛО ИЛИ БЛАГО?

А. Илларионова, А. Концеренко

*Сибирский государственный технологический университет
Научный руководитель кандидат философских наук, доцент
А.С. Черняева*

Рано или поздно, но любой человек задает себе вопрос: что случилось со мной? Почему я так одинок? Он огляделся вокруг – и не увидел ничего другого, кроме себя самого. Тогда он для начала воскликнул: «Я есть!». Потом он испугался; ибо страшно человеку, если он одинок.

(Брихадараньяка Упанишад)

Понятие «одинокость» в философских словарях определяется как состояние и ощущение человека, находящегося в условиях реальной или мнимой коммуникативной изоляции от других, разрыва социальных связей, отсутствия значимого для человека общения [1]. В рамках российской национальной философии сложилось устойчивое представление об одиночестве как об

одном из феноменов взаимодействия в системе «Бог-человек»: одиночество не является ни следствием влияния внешних факторов, ни заданным параметром человеческого бытия, – одиночество представляет собой состояние, формирующееся в результате неосознанного или намеренного разрыва связи человеческого «я». Инициатором такого разрыва всегда выступает человек [2].

Проблема *одиночества* – одна из вечных проблем человеческого существования. Но она становится чрезвычайно актуальной именно в наше время – время деконструкции мировоззренческих ориентиров и попыток найти новые основания для коммуникации в постиндустриальном обществе, существенно изменившем систему социальных связей и непосредственного общения людей и отчасти подменившем эту систему различного рода суррогатами общения [3]. В психологии современная социальная проблема одиночества и общения, затрагивающая изначальные основы человеческого бытия, – одна из самых острых. В эпоху высокой технологической культуры ускоряется процесс информатизации. Как следствие этого возникают новые формы жизни, изменяется картина мира, человек попадает под влияние новых средств информации и коммуникации, на него ежедневно обрушиваются новые информационные потоки, постоянное и часто вынужденное общение, лишенное порой разумных пределов и духовного содержания. В современном мире, формирующем социальные установки и стереотипы, одиночество становится проявлением парадокса массовой культуры [5].

Одиночество, с одной стороны, является необходимым условием любого процесса мышления и, соответственно, творчества, но с другой стороны, это тяжкий деструктивный фактор, отвергающий другое творческое начало – коммуникацию – и замыкающий индивида в тесном собственном мире. *Одиночество* является сложным социальным феноменом, находящимся на стыке изучения различных социально-гуманитарных наук: философской антропологии, социальной философии, психологии, социологии и даже психопатологии.

Актуальность исследования одиночества, таким образом, обусловлена тем, что с этой проблемой сталкивается не один человек или группа населения, отчуждённые по каким-то причинам от социальных благ или возможностей; одиночество как социальный феномен характеризует современное общество в целом.

В европейской философии проблема одиночества в развернутом виде впервые была поставлена *Б. Паскалем*, который рассматривает его, прежде всего, как особую форму страдания. В XIX столетии идеи *Б. Паскаля* продолжают в творчестве *А. Шопенгауэра*, который усматривает в одиночестве фатальный результат «воли к жизни». Глубокие размышления об одиночестве человека есть у *И.В. Гете*, который видит его причину в отчуждении человеческой личности от трансцендентного мира. В отличие от него, *Ф. Ницше* считает причиной одиночества человека его отчуждение от собственных сверхчеловеческих перспектив; с другой стороны, одиночество, по мнению мыслителя, есть удел человека, который осваивает эти перспективы; такое одиночество порождается отчуждением от большинства, которому чужда идея Сверхчеловека.

В психоанализе *Зигмунда Фрейда* одиночество переводится из сферы взаимосвязей с предметным и социальным миром в сферу психологических взаимосвязей с собственным телом и вытекающих отсюда социальных последствий. Одиночество и отчуждение в психоанализе представлены как психический конфликт между социальным и индивидуальным.

Уильям Джонсон – британский (валлийский) филолог, востоковед (в первую очередь индолог) и переводчик, основатель Азиатского общества; традиционно считается основоположником сравнительно-исторического языкознания. Выделял четыре основных этапа одиночества:

1) Космическое одиночество – отделенность человека от всеобъемлющей сущности (Бог, природа, высший разум, космос).

2) Культурное одиночество – переживания человека, связанные с тем, что его ценности, идеалы, представления, сформировавшиеся в определенной культурной среде, не находят отклика и понимания у окружающих людей.

3) Социальное одиночество – переживания человека, связанные с ограниченностью контактов и общения.

4) Межличностное одиночество – переживание человеком отсутствия или недостатка духовной связи со значимой для него личностью [4].

Существенное влияние на восприятие одиночества в западной культуре и философии оказали концепции экзистенциализма и трансцендентализма. Общность взглядов на одиночество у экзистенциалистов и трансценденталистов проявляется в признании необходимости для человека уединения. Оба направления видят его положительное влияние на человеческую личность. Противоречие возникает в случае определения взаимодействия между внешней окружающей средой и человеком. Экзистенциализм трактует смутность смысла человеческого пребывания в мире, его неприкаянность, отсутствие гармонии во взаимодействии с миром [3].

Понимание одиночества как состояния предлагает *Р.С. Немов*, который пишет: «Одиночество – тяжёлое психическое состояние, обычно сопровождающееся плохим настроением и тягостными эмоциональными переживаниями» [3]. В этом определении одиночество оказывается одним из множества психических состояний, возникающих и развивающихся в эмоциональной сфере личности, и может переживаться по-разному, вызывать разные психические состояния. *А.У. Харши*, у которого одиночество – естественное состояние человека, которое дарит ему возможность общения с самим собой, приходит к выводу о том, что «одиночество – это индивидуальное явление, не особенность индивидуальной биографии, а объективный всеобщий факт бытия независимо от того, сознается он индивидом или нет» [6]. Личное бытие каждого человека определяется основными феноменами человеческого существования: страхом, смертью, любовью, игрой, коммуникацией, властью. Основные феномены бытия человека – способы человеческого существования, формирующие «Я» человека, определяющие смысл его жизни. Благодаря основным феноменам бытия индивид постигает себя в различных образах (смертного, любящего, играющего и т.д.) и посредством этого пытается истолковать существование всего, что его окружает. Феномены бытия взаимосвязаны и взаимозависимы, они, можно сказать, переплетены между собой. Для данного исследования особый интерес представляет воздействие данных феноменов на одиночество и его связь с ними. Смысл одиночества может быть выявлен лишь в его взаимосвязях с другими феноменами бытия человека.

Несмотря на настойчиво повторяющееся понятие «изолированности», звучащее в различных определениях одиночества, этот феномен перестаёт однозначно интерпретироваться как нечто нежелательное. Все больше людей сознательно выбирают одиночество, так как в нем достаточное количество преимуществ.

1) Главная цель уединения – побыть наедине с собой. Это лекарство от изнеможения, в котором часто нуждаются современные люди. Ещё в старину одиночество использовали и в целях предсказания, как способ прислушаться к внутреннему Я, чтобы попросить совета у своей интуиции или высших сил, которые невозможно расслышать в шуме и суете повседневной жизни. И тогда появляется возможность узнать себя, понять, что я – это часть бесконечной Природы. Как только человек становится лицом к лицу со своим одиночеством, принимает его, то оно меняет окраску, качество, вкус. Оно становится единством. И тогда оно – не изоляция, оно – уединение. Изоляция несет в себе несчастье; уединение содержит в себе наполненность радостью и счастьем [8].

2) *В одиночестве есть красота и великолетие, позитивность; в чувстве, что тебе одиноко – бедность, негативность и мрачность* (Ошо). Когда человек чувствует, что ему одиноко, то он думает, что ему кого-то не хватает – иными словами, что он изначально неполный, нецелый. Одиночество – это не значит, что человеку кого-то не хватает, это означает, что он нашел себя.

3) В научном и деловом мире время, которое мы уделяем пребыванию наедине с собой, почему-то считается потраченным впустую, хотя на самом деле это время – самое плодотворное, помогает нам поддерживать внутреннюю жизнь. Ведь именно в состоянии одиночества душа поставляет идеи нашему воображению, и только потом мы их сортируем, чтобы решить, какие взять на вооружение, какие наиболее приемлемы и перспективны.

Историко-философский анализ одиночества показывает, что осмысление данной проблемы связано с проблемой самопознания и идентичности. Изменения в самопознании и идентичности человека в различные исторические эпохи вносили свои поправки в осмысление и понимание одиночества. Это служит подтверждением тому, что проблема одиночества человеческого существования возникла не вдруг и не сразу. Восприятие и само понятие одиночества развивалось

вместе с развитием цивилизации. Рассматривая жизнь человека в первобытном обществе, неприемлемо говорить об одиночестве, поскольку человеческое «Я» являлось, на данном этапе, полностью включенным в коллективное родоплеменное «Мы» и растворенным в нём [7].

Изучив проблему одиночества, мы пришли к выводу, что если хочется быть одному, то необходимо двигаться в одиночество и наслаждаться им в полной мере. И этого не нужно выбирать – если быть внимательным к себе, то можно увидеть цикличность этих состояний. Лично нам близка точка зрения, что наслаждаться одиночеством можно, если человек наслаждается отношениями. Когда человек глубоко движется в отношения, то в нем возникает глубокая потребность быть одному.

Библиографический список

1. Новейший философский словарь / Под ред. А. А. Грицанова- Минск: Книжный Дом, 1999. – 1280 с.
2. <http://cyberleninka.ru/article/n/problema-odinochestva-v-kontekste-filosofii>
3. Новейший философский словарь / Под ред. А. А. Грицанова- Минск: Книжный Дом, 1999. – 1280 с.
4. Философия: учеб. пособие для высших учебных заведений/отв. Ред. В.П.Кохановский. – Изд. 21-е. – Ростов н/Д: Феникс, 2011. – 568 с.
5. Философия: Учебник/Под ред. В.Д. Губина, Т.Ю. Сидориной. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Гардарики, 2005 – 828 с.
6. Крапивенский С.Э. Социальная философия: Учеб. для студ. гуманитар.-соц. спец. высших учебных заведений. – 4-е изд., теор. – М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 2003. – 416 с.
7. http://psinovo.ru/referati_po_psichologii_i_pedagogike/problema_odinochestva_v_psichologii.html
8. http://psinovo.ru/referati_po_psichologii_i_pedagogike/problema_odinochestva_v_psichologii.html

СМЫСЛЫ ПОНЯТИЯ «БЕЗОПАСНОСТЬ» В РАБОТЕ Н.К. МИХАЙЛОВСКОГО «ГЕРОИ И ТОЛПА»

В.С. Коломейцев

РХТУ им. Д.И. Менделеева, г. Москва

В области биологии и зоологии Н.К. Михайловский рассматривает явления «подражание» и «мимичность», через них мы можем раскрыть смысл понятия «безопасности» (данные примеры предложены в работах Бэтсона, Уоллеса и Дарвина). «Всякое явление мимичности есть не более как специальный случай приспособления, закрепляемый наследственной передачей в ряду поколений. Что касается процесса, которым это приспособление возникает, то он такой же, как и в других случаях возникновения видовых особенностей: случайно прокидывается какое-нибудь легкое изменение, благоприятное для вида, а затем, в силу его полезности, оно подхватывается естественным подбором, укрепляется и развивается» [1]. В качестве примера автор приводит защитные реакции хамелеона, натуральный цвет которого грязно-белый, «но, смотря по окраске окружающей местности, животное принимает желтый, бурый, зеленый или голубовато-зеленый цвет». Появление легкого изменения цвета животного, которое приближает его к цвету окружающей почвы, дает ему возможность быть лучше своих родичей защищенным от нападений, иметь больше шансов «уцелеть и оставить потомство» [1].

Под безопасностью в биологическом смысле понимается такое подражательное сходство некоторых животных, главным образом насекомых, с другими видами, обеспечивающее защиту от врагов. Четкую границу между нею и покровительственной окраской или формой провести трудно. В самом узком смысле мимикрия – это имитация видом, беззащитным перед некоторыми хищниками, внешности вида, избегаемого этими потенциальными врагами из-за несъедобности или наличия особых средств защиты. Например, бабочка *Limenitis archippus* подражает бабочке *Danaus plexippus*, которая не склевывается птицами, поскольку неприятна на вкус. Однако мимикрией применительно к насекомым можно назвать и несколько других типов защитных адаптаций. Например, палочник похож на «неодушевленную» тонкую веточку. Узор на крыльях многих бабочек делает их почти не различимыми на фоне древесной коры, мхов или лишайни-

ков. Строго говоря, это покровительственная окраска, однако на лицо явное защитное подражание другим объектам, т. е., в широком смысле, мимикрия.

С точки зрения психологии, понятие «безопасность» означает высокий уровень саморегуляции и волевого контроля над деятельностью сознания, в отличие от стимульного и полевого типа поведения человека под влиянием внешних раздражителей. Автор, например, в статье пишет, что «в явлениях гипнотизма есть склонность гипнотиков к подражанию: они повторяют с большой точностью все проделываемые перед ними движения. Гипнотизированный субъект покорно идет за «магнетизером», сжимает кулак, когда тот сжимает свой перед его глазами, открывает и закрывает, по примеру магнетизера, рот и т. п. До этого момента «просияния своего ума» гипнотизированный находится в полной власти магнетизера, который может играть им до последних пределов унижения человеческого достоинства. Это достигается тем удобнее, что характеристическими признаками гипнотического состояния являются, между прочим, анестезия и аналгезия, то есть потеря чувствительности и потеря чувства боли: гипнотика можно колоть, резать, жечь – он не чувствует боли [1].

В примерах автор связывает безопасность с самовнушением ощущений и находит подтверждения в примерах физиологического характера, когда благодаря страху и воображению люди могут чувствовать в определенных местах боль; способность краснеть от стыда, от негодования; появление пота после сильного душевного потрясения.

Н.К. Михайловский в своей работе определяет различие между такими понятиями, как подражательность и симпатия: элементы воли и сознания, которые должны быть в основании системы морали и столь же необходимо более или менее подавлены в явлениях подражательности и нравственной заразы. Быть может, даже вся задача исследования явлений подражательности состоит в определении условий, способствующих или противодействующих тому специальному виду подавления сознания и воли, который в них выражается.

В примерах анализа коллективных массовых явлений Н.К. Михайловский рассматривает два вида условий для объяснения подражания: с одной стороны, это «такие общие условия, которые непосредственно воздействуют на всех и каждого из участников», а с другой стороны, «такие, которые толкают их (участников) к бессознательному подражанию» [1]. Самыми яркими примерами, подтверждающими данные условия, являются приводимые автором из истории: неистовые пляски шабаша ведьм, крестовые походы, еретические, крестьянские и антиеврейские движения. «В средние века было много причин для того, чтобы люди бросали насиженное место, семью, работу и пускались в путь куда глаза глядят» [1].

Понятие «безопасность» в области социальной психологии автор связывает с принятиями норм и правил большинства или возможностью противостоять толпе и большинству. «Для вызова и обнаружения склонности к подражанию, а следовательно, и для образования того, что мы называем толпой, нужно, по-видимому, одно из двух: или впечатление, столь сильное, чтобы оно временно задавило все другие впечатления, или постоянная, хроническая скудость впечатлений. Соединение этих двух условий должно, понятное дело, еще усиливать эффект подражательности» [1].

Следующий смысл понятия «безопасность», который раскрывает автор, связан с воспроизводством определенной культуры, образа жизни поколений – передачу знаний, способов деятельности и мышления от предыдущего поколения последующему.

«Торговые и промышленные люди, ремесленники, рабочие последовательно выступают на арену борьбы, но, выступая, каждая из этих групп повторяет приемы предыдущей и приходит к тем же результатам. И мало того, что каждое вновь обнаруживающееся общественное наклонение копирует своих предшественников, – оно, кроме того, регламентирует подражание, делает его обязательным и в самой организации своей, и в производстве, и во всем складе жизни. Ни ремесленник, ни рабочий не должен проявлять какую-нибудь оригинальность, какое-нибудь творчество в своей деятельности: они должны следовать раз установленным образцам в качественном и количественном отношении. Без конца повторяя друг друга, они повторяют себя и в детях своих, что достигается все более и более прочным установлением принципа наследственности занятий, прав и обязанностей. В статье автор рассматривает условия, благоприятствующие или препятствующие силе, толкающей людей к подражанию, обобщает два способа взаимодействия

с окружающим миром с одной стороны, это – адаптация, ассимиляция, конформность, принятие мнения большинства и, с другой стороны, – аккомодация, преобразование действительности, целеполагание и планирование деятельности, волевая саморегуляция, лидерство.

Библиографический список

1. Михайловский Н.К. Герои и толпа. <http://www.magister.msk.ru/library/philos/mihnk001.htm>

МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКАЯ НАПРАВЛЕННОСТЬ ЮМОРИСТИЧЕСКОЙ ФАНТАСТИКИ

А.О. Савченко

*Сибирский государственный университет путей сообщения
Научный руководитель доктор философских наук, профессор
Н.И. Мартишина*

Специфика философских идей состоит в соединении в их составе гносеологически-информативного и мировоззренческого, ценностного аспектов. С одной стороны, философские позиции всегда объясняют реальность, устанавливают фундаментальные закономерности, предельные основания бытия. С другой стороны, философские размышления, уже в силу их предмета, не могут быть чисто объективистским знанием о фактах: к ним всегда добавляется восприятие с позиций человека, определенное отношение к устанавливаемым свойствам реальности. Иными словами, там, где ученый сочтет относительно доказанным, что космос бесконечен, философ поставит вопрос о том, как чувствует себя человек в этой бесконечности, что он значит и как ему теперь найти себя.

Это определяет постоянное использование философами, наряду с логическими рассуждениями и аргументацией, художественно-выразительных средств, обращенных к эмоционально окрашенному восприятию читателя: простые и развернутые метафоры, диалогическая форма построения текста, яркие, запоминающиеся примеры и т.д. И именно поэтому естественным продолжением философствования часто становится художественная литература. Во многих литературных произведениях, кроме разворачивающегося сюжета, есть еще некая философская идея, стоящая за изобразительным планом произведения; и весь изобразительный план выстраивается исходя из этой идеи – например, писатель показывает, насколько лишним оказывается в определенных социальных обстоятельствах человек определенного склада, и проводит героя через ряд эпизодов, где он разрушает существующее хрупкое равновесие.

На таких базовых философских идеях часто базируются произведения фантастической литературы. Фантастика в настоящее время представляет собой целое направление в литературе, в котором присутствуют различные жанры – как совпадающие с жанрами реалистической литературы (например, фантастический триллер, во многом аналогичный роману ужасов или психологическому триллеру), так и специфические именно для фантастики (например, альтернативная история, посвященная изображению реальности, которая могла бы возникнуть, если бы история в один из переломных моментов пошла по другому пути). Среди жанров выделяется в том числе и юмористическая фантастика. Юмор – это особый вид комического, сочетающий насмешку и сочувствие, внешне комичную трактовку и внутреннюю причастность к тому, что представляется смешным. Видами юмора являются, например, игра слов, пародия, анекдот, шутка, каламбур и т.д. Особый вид представляет собой чёрный юмор. Юмористическая фантастика – это стыковый жанр, сочетающий использование характерных для фантастики тематики и содержательного материала с юмористической формой изображения.

Может показаться, что философски нагруженными могут быть только серьезные фантастические жанры, например, социальная фантастика, антиутопия, постапокалипсис. На наш взгляд, это не так, и мы постараемся показать, что за самим существованием юмористической фантастики как особого жанра стоит определенная мировоззренческая установка, т.е. определенный философский взгляд на реальность. Для обоснования нашего тезиса выделим одну из ключевых социальных функций юмора.

Как показывает А.Н. Лук [1], смеяться над некоторым объектом возможно только при двух условиях: мы видим несовершенство данного объекта и чувствуем над ним свое превосходство. Если речь идет о реальной проблеме, реальном факторе, который действует на нас негативно, то, смеясь над ним, мы одновременно снижаем значимость этого воздействия и преодолеваем свое подчинение ему, становясь – может быть, иллюзорно – выше. Юмор призван создать нам удовлетворительную позицию в неудовлетворительных обстоятельствах. Как заметил чешский юморист К. Чапек: «Шутят скорее в затруднительном положении, попав в беду, чем на вершине счастья и успеха. Юмор – это всегда немножко защита от судьбы» [1, с. 43]. Не случайно всегда ценятся люди, способные шутить на войне, в опасной ситуации, разрядить шуткой напряженную и трудную работу.

В юмористической фантастике есть дополнительный аспект такого отношения, поскольку она, как это бывает в фантастике, напрямую затрагивает не повседневные, а трансцендентные вещи, и соответственно делает их предметом юмористического отношения. Примером могут служить понятиярая и ада. Рай и ад в религии и философии – фундаментальные и серьезные понятия. Рай – это место вечной совершенной жизни (существования, бытия) в гармонии с природой (мирозданием), место пребывания в состоянии совершенства и блаженства. Ад – посмертное место наказания грешников, он противопоставляется раю и символизирует состояние мучительного страдания. Представление о рае и аде есть в языческих традициях, в христианстве, исламе, многих школах буддизма, в трансгуманизме. С помощью этих понятий организуется вся этическая система религиозных и философско-религиозных направлений. И вот эти трансцендентные сферы реальности юмористическая фантастика делает местами комических похождения персонажей [см.: 2]: «В Эдеме летают инопланетяне, шастают разнообразные демоны синего цвета, бегают эльфы... Впрочем, ладно эльфы, должны же куда-то попадать после смерти и верные поклонники Толкиена. Но остальные? Бесы, демоны, фанатики – адепты земной секты Марии-Дэви-Христос, живого бога... Разве это Рай?» [2, с. 86].

Может показаться, что это просто циничная позиция, низводящая значимые ценностные ориентиры до роли простых декораций очередного квеста. Но, на наш взгляд, юмористическая фантастика следует здесь значимой социальной традиции. Наряду с серьезным отношением к наиболее страшным реалиям жизни в культуре всегда существуют хотя бы маргинальные формы их осмеяния. Достаточно вспомнить, как часто Смерть изображается в нелепом и смешном виде, в скольких сказках она становится жертвой обмана или розыгрыша. Данная позиция выполняет защитную социальную функцию: знание во всей полноте о смерти, о рае и аде, присутствующее в нашей жизни каждый день и со всей неумолимостью, мы не могли бы перенести. Поэтому точно так же, как нам нужна философия, говорящая, что это очень серьезно, нам необходима в качестве отдушины и другая философская позиция, допускающая, что это не всегда так уж серьезно и иногда можно к этому отнестись легче. Боэций считал, что основная роль философии заключается в том, чтобы научить нас стойко переносить испытания; но это можно делать различными способами, в том числе и «разрешив» человеку определенную долю юмора по поводу этих испытаний. По существу, это волевое решение, и не случайно И. Кант определил юмор как «талант произвольно приходить в хорошее расположение духа» [1, с. 43].

Кроме того, философски значимой часто является сатирико-юмористическая фантастика, истоки которой можно увидеть, например, в «Путешествиях Гулливера» Дж. Свифта, в произведениях Н. В. Гоголя, М. А. Булгакова и др. Фантастика является сильным средством для обличительной сатиры, поскольку высмеивает существующие социальные пороки сквозь призму невероятного. Это еще одна модификация юмора: например, шуточное произведение «Понедельник начинается в субботу» братьев Стругацких имеет выраженный сатирический потенциал, раскрытый в продолжении – «Сказке о Тройке». Таким образом, мы можем заключить, что юмористическая фантастика тоже может служить пространством высказывания философских идей.

Библиографический список

1. Лук А. Н. Юмор, остроумие, творчество. – М.: Искусство, 1977.
2. Белянин А. Казак в раю. Казак в аду. – М.: Эксмо, 2008.

С. ФРАНК О СВОБОДЕ И РАБСТВЕ. (Ф.М. ДОСТОЕВСКИЙ «ЛЕГЕНДА О ВЕЛИКОМ ИНКВИЗИТОРЕ»)

С.С. Шаталова

*Красноярский государственный педагогический университет им. В.П.Астафьева
Научный руководитель кандидат философских наук, доцент
Н.И. Глухих*

«Нет заботы непрерывнее и мучительнее для человека, как, оставшись свободным, сыскать поскорее того, пред кем преклониться»

Ф.М. Достоевский «Легенда о Великом Инквизиторе»

Современный мир одним за другим потрясают политические, межнациональные и религиозные конфликты. На дворе 21 век, казалось бы, мы живем в цивилизованном мире, с телеэкранов нам постоянно твердят о мире, правовом государстве, о свободе совести, о ценности человеческой жизни. Тем не менее, по всему миру люди как дикари истребляют друг друга, борясь за свои права и свободы, но, не уважая права других.

Наш мир, буквально, захлестнула волна экстремизма: в Египте, не прекращаются теракты. В Сирии вот уже как три года продолжается вооруженный конфликт между правительственными войсками и оппозицией. По данным ООН с марта 2011 года жертвами этого конфликта стали свыше 100 тысяч человек! Да и что далеко ходить, родственная нам Украина разделилась на два противоборствующих лагеря: евромайдан и антимайдан. По сути, на западников и славянофилов. 2 мая сторонники «правого сектора» подожгли в Одессе дом профсоюзов, в результате чего 43 человека погибло, более 170 пострадало. И это не единичные случаи, такое происходит, чуть ли не каждый день.

Что есть свобода человека, откуда она проистекает, и как определить ее границы? Стоит ли свобода хотя бы одной человеческой жизни? Необходимо ли утверждая свою свободу, нарушать чужую? Ответы на эти и другие немаловажные вопросы я попыталась найти в «Легенде о Великом Инквизиторе» Ф.М.Достоевского, которая ищет ответы на причины всех бед и несчастий человечества не через внешний мир, а сквозь призму противоречий человеческого духа.

Многие философы Серебряного века занимались исследованием творчества Достоевского, в частности, давали различные трактовки «Легенды». Среди этих философов были Леонтьев, Соловьев, Бердяев и другие. Но более глубокий анализ «Легенды» дал русский философ С.Франк.

С.Л.Франк родился в 1877 году. Он прошел путь от марксизма до объективного идеализма. Еще учась в гимназии, Франк увлекся марксизмом, стал участвовать в марксистских кружках. В 1899 году Франк был арестован за революционную деятельность и выслан из Москвы. В том же году уехал в Германию. За те годы, что Франк жил в Германии, он отошел от марксизма и в своей книге «Теория ценности Маркса и ее значение» дал критику этому учению. В 1901 году Франк вернулся в Россию и начал литературно-философскую деятельность. В 1915 году Франк написал свою первую большую философскую работу – «Предмет знания. Об основах и пределах отвлеченного знания». А в 1917 году он написал еще одну книгу – «Душа человека. Введение в метафизику душевной жизни». В 1922 году Франк был выслан из Советской России. В годы эмиграции, живя в Германии, он написал книги «Духовные основы общества», «Крушение миров», «Смысл жизни». В 1937 году Франк переселился во Францию, а с 1945 года стал жить в Англии. В эти годы им были написаны работы «Непостижимое», «С нами Бог. Три размышления», «Свет во тьме», «Реальность и человек. Метафизика человеческого бытия». В этих работах были окончательно сформулированы его философские воззрения. С.Л.Франк умер в 1950 году и был похоронен недалеко от Лондона.

На С.Франка очень большое влияние оказали Платон, Н.Кузанский и метафизика всеединства Вл. Соловьева. Отсюда его концепция о том, что все исходит из интуиции всеединства бытия: «Бытие есть всеединство, в котором все частное есть и мыслимо именно только через свою

связь с чем – либо другим». Всеединство имеет абсолютный смысл, поскольку включает в себя отношения Бога и мира. «Даже понятие Бога не составляет исключения... Он не мыслим без отношения к тому, что есть его творение».[4]. С. Франк хотел объединить науку и религию. Он считал, что наука и религия не противоречат друг другу, а попросту говорят о разных вещах: «... наука берет мир как замкнутую в себе систему явлений и изучает соотношения между этими явлениями вне отношения мира как целого, а, следовательно, и каждой, даже малейшей части к его высшему основанию, к его первопричине, к его абсолютному началу, из которого он произошел и на котором он покоится».[4]. Наука берет как рабочую гипотезу, что мир – это готовая замкнутая система. «Религия же познает именно отношение мира, а, следовательно, и человека, к этой абсолютной первооснове бытия, к Богу, и из этого познания черпает уяснение общего смысла бытия, которое остается вне поля зрения науки. Наука как бы изучает середину, промежуточный слой или отрезок бытия в его внутренней структуре: религия познает эту же середину в ее отношении к началу и концу, к целому бытия или к его целостной первооснове».[5].

Франк выделял три формы бытия: действительность, идеальное бытие и высшая форма бытия – реальность, которая сочетает в себе и действительность, и идеальное бытие. Действительность (или эмпирическая действительность) – это совокупность материальных и духовных благ, реально существующих в этом мире. Идеальное бытие – это бытие, которое включает себя «идеальные сущности», существующие над пространственными и временными границами. Идеальное бытие – это платоновский эйдос. Эйдос – это нечто идеальное, помогающее постичь внутреннюю суть вещей, отличить одну вещь от другой. И третья форма – это реальность. Реальностью Франк называл наше сознание, которое включает в себя бытие, то есть наше сознание содержит в себе и эмпирическую действительность, и идеальное бытие. Франк также выделял разные типы знания. «Предметное» (чувственное, эмпирическое) – это способ познания действительности. «Абстрактное знание» («интеллектуальное созерцание») – способ, который позволяет познать логические связи между элементами действительности и тем самым проникнуть в мир «идеального бытия». Но, чтобы истинно проникнуться Всеединством, этих двух знаний, как утверждал Франк, недостаточно, так как они рациональны. Поэтому кроме «предметного» и «абстрактного» знаний Франк выделил знание, которое стоит выше разума, то есть это знание иррационально. Оно называется «живым знанием» и первично по отношению к тем, другим, двум знаниям. Именно в этом знании возможно постижение истинного всеединства мира: «В этой духовной установке познаваемое не предстает нам извне, как отличное от нас самих, а как-то слито с самой нашей жизнью. И наша мысль рождается и действует как-то из глубины самой открывающейся реальности, совершается в самой ее стихии. То, что мы испытываем как нашу жизнь, как бы само собой открывает себя нам, – открывается нашей мысли, неотделимо присутствующей в этой жизни».[4].

События «Легенды» происходят в Севилье, в XVI веке, в самый разгар инквизиционных костров. Христос снова спускается на землю к людям. Но это не второе пришествие, которого все так ждут. Христос решил посетить человека из любви и сострадания к нему. Как ни странно, Его узнают, все ликуют, радуются, восхваляют Его. Он снова творит чудеса, исцеляет больных, воскрешает мертвую девочку. Девяностолетний Инквизитор приказывает страже схватить Его и Христа сажают в темницу. Инквизитор посещает Его и обращается к Нему с речью, в которой и содержится вся сущность «Легенды». Инквизитор обвиняет Христа в том, что он слишком высоко оценил достоинство человека, позволив ему свободно выбирать между добром и злом. Инквизитор утверждает, что человек на самом деле слаб, и если бы Христос принял те искушения, которые Ему предлагал в пустыне «страшный и умный дух», тогда бы Он смог сделать людей счастливыми. «Чудо», «Тайна» и «Авторитет» – вот три средства, которые сделают из человека послушного и невинного ребенка. Лишив людей свободы выбора, всю ответственность за «массы» должны взять на себя вожди, «устроители земного рая на земле». Таковым устроителем и является главный герой «Легенды» – Инквизитор. Когда Инквизитор закончил свою речь, Христос, все это время не проронивший ни слова, отвечает на его речь безмолвным поцелуем. Пораженный Инквизитор отворяет Христу дверь темницы и говорит Ему, чтобы он уходил и больше никогда не возвращался. «Поцелуй горит на его сердце, но старик остается в прежней идее».[2].

Следует здесь обязательно отметить, что Достоевский разработал три образных идеи всемирного соединения людей и их успокоения: «Муравейник», «Курятник» и «Хрустальный дворец». Идея Инквизитора – это идея всеобщего муравейника. «Под этим названием разумеется всеобщее и согласное соединение живых существ какого-либо вида, основанное на присутствии в них одного общего и безошибочного инстинкта построения общего жилища. Таким инстинктом наделены все живущие общества животные (муравьи), но его лишен человек; поэтому в то время как они строят всегда одинаково, повсюду одно и постоянно мирно, человек строит, повсюду различное, вечно трансформируется в своих желаниях и понятиях; и едва приступит к построению всеобщего – разойдется в представителях своих, единичных личностях, и притом со смертельною враждою и ненавистью». [3].

Смысл «Легенды», по мнению Франка, заключается в «извечной проблематике человеческого духа». Как уже было сказано выше, Инквизитор обвиняет Христа в том, что он слишком высоко оценил человека, увеличил в разы его страдания, предоставив ему свободу выбора. Свобода совести, как считает, Инквизитор и является причиной всех несчастий и страданий человека, поэтому, чтобы быть счастливым, человек должен стать снова несвободным, как это было до грехопадения.

Но это счастье достигается «ценой отказа от творческой тревоги духа», от личностного начала в человеке. Дух – есть нечто живое, постоянно движущее в человеке, он противоположен покою. Отказ от свободы – это отказ от своей сущности, отказ от права считаться личностью, отказ от права считаться чем-то уникальным и неповторимым. Несмотря на это, эти две противоположные друг другу сущности: дух и покой являются антиномиями, то есть, исключая друг друга, они, тем не менее, остаются равноправными, и одна без другой существовать не может: «Разве противоположное состояние простодушного, недуховного блаженства и покоя не образует единственной и конечной цели человека, к которой влекут его прирожденный природно-животный инстинкт и религиозная тоска его сердца?».[3].

Однако, осознание своей свободы, стремление к ней – чувство, намного превосходящее желания тихого и спокойного и счастья. Достоевский полагал, что человек по своей природе иррационален. Обладая личной свободой, человек стремится устроить свою жизнь по собственному желанию, реализовать себя во всей хаотичности, бессмысленности своей природы. Сделать не так, как надо, разумно, а так как я хочу. Поэтому общество, основанное на разуме и порядке, не мыслилось им как нечто нерушимое и вечное. Общество, построенное только на законах разума, Достоевский называл образно «Хрустальным дворцом». «Вы верите в хрустальное здание, навеки нерушимое, то есть в такое, которому нельзя будет ни языка украдкой выставить, ни кукиша в кармане показать. Ну, а я, может быть, потому-то и боюсь этого здания, что оно хрустальное и навеки нерушимое и что нельзя будет даже украдкой языка ему выставить».[3].

И наконец, третий идейный образ – «Курятник» – «это бедная и неудобная действительность, которая, однако, предпочтительнее всего другого, потому что она хрупка, всегда может быть разрушена и изменена, и, следовательно, не отвечая второстепенным требованиям человеческой природы, отвечает главной и самой существенной ее особенности – свободной воле, прихотливому желанию, которое не погашается в индивидууме». [3].

Итак, глубинный смысл «Легенды» определяется через антиномию дух, движение, мука, тревога – покой, блаженство. Это два взаимоисключающих, но по отдельности не существующих извечных противоречий человеческого естества.

Мы считаем, что вкушение запретного плода первыми людьми не является грехом, в том понимании, какое дает нам традиционное христианство. Отпадение человека от Бога было необходимостью. Это сравнимо, например, с тем как дети вынуждены покидать «родительское гнездышко», уходить от родительской заботы и опеки, чтобы утвердить себя как самостоятельные личности. Человек узнал, что существует добро и зло, но четкой границы между добром и злом, сущности этих двух понятий он не знал. Поэтому он должен был сам решать для себя, что есть «хорошо», а что «плохо», определять грань между добром и злом. Христос же, не отнимая свободу у человека, а утверждая ее, сделался для человека нравственным ориентиром, идеалом, при-

мером того, как человек может стать Богочеловеком. Познав истину (а истина во Христе), человек обретет свободу, то есть, познает суть вещей, узнает, что есть, что является добром, а что злом. (Тогда сказал Иисус к уверовавшим в Него Иудеям: если пребудете в слове Моём, то вы истинно Мои ученики, и познаете истину, и истина сделает вас свободными. <...> Итак, если Сын освободит вас, то истинно свободны будете (Ин. 8,31-32,36)).[1].

Таким образом, отпадение от Творца – это своего рода «акт взросления», стремление человека к Богочеловеку, но имея только «голую» свободу без нравственного ориентира, человек может стать Человекобогом, что неукоснительно ведет к саморазрушению.

Библиографический список

1. Библия – М.: Российское библейское общество, 2008. – С.775
2. Достоевский Ф.М. Братья Карамазовы – М.: Эксмо, 2010. – С.179
3. Достоевский Ф.М., Леонтьев К.Н., Франк С.Л. и др. – О Великом Инквизиторе Достоевский и последующие – М.: Молодая гвардия, 1991. – С.155, 246
4. Франк С.Л. Непостижимое – М.: АСТ, 2007. – С.27,217
5. Франк С.Л. Религия и наука – Б.: Жизнь с Богом, 1953. – С.33

СОВРЕМЕННЫЕ ГЕНДЕРНЫЕ НОРМЫ И ПРАКТИКИ

О.А. Гендина

*Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева
Научный руководитель доктор философских наук, профессор*

В.В. Минеев

60-ые годы XX века ознаменованы началом одного из важнейших и неоднозначных макро-социальных процессов, продолжающимся до сих пор. Речь идет о сексуальной революции и последовавших за ней гендерной и семейной революциях. Объединенные в комплексный социальный феномен, они обозначили ряд проблем в рамках привычного гендерного порядка, продемонстрировавших его несостоятельность, а также привели к «сейсмическому социально-психологическому сдвигу в отношениях полов» [1], во многом изменив и продолжая менять общественные взгляды на гендерные нормы, вопросы сексуального поведения, организации семейной жизни. При оценке характера, необходимости и возможных последствий тех или иных изменений, необходимо учитывать другие социальные процессы, сопровождающие данные преобразования.

Фоном для продолжающейся трансформации гендерных представлений служат различные социальные явления, происходящие в течении последних лет. Объективный процесс развития производительных сил общества на базе научно-технического прогресса и такие сопровождающие его явления как автоматизация труда, появление новых сфер занятости и профессий, сначала поспособствовал включению женщин в общественную трудовую деятельность, а затем постепенно направил эволюцию гендерных отношений от господствующего на протяжении тысячелетий патриархата к биархату – новой культуре, которая «предполагает равное главенство обоих полов, свободное проявление мужского и женского бытия, их творческого потенциала в семье, общественной жизни, политике, экономике, искусстве и т.д.» [2].

Однако не все изменения проходят в строго эгалитарном направлении, некоторые из них носят весьма неоднозначный характер. Отчасти это может быть обусловлено невероятно динамичным темпом преобразований. За несколько десятков лет в гендерной сфере (описываемой через понятия семейной жизни, интимности, гендерных аспектов профессионально-трудовой деятельности) произошли гораздо более значительные трансформации, чем за последнее тысячелетие.

При формировании отношений между партнерами все большее значение имеет обоюдное желание счастья, любви, возможное при наличии не только чувств, но и общих ценностных ориентацией, а также совпадении характеров. В последние годы отмечается все больший рост числа внебрачных союзов, которые практикуются в нескольких формах. Одним из вариантов мо-

жет быть «пробный» брак, когда пары хотят лучше узнать друг друга, удостовериться в своей психологической и сексуальной совместимости, и только потом, возможно, официально скрепить брак. Распространяются союзы, иногда называемые «гостевым браком», которые, основываясь в большей степени на романтически-сексуальном влечении, могут подразумевать как раздельное проживание, так и совместное с временным или частичным совместным ведением хозяйства, но при этом пары не имеют долговременных совместных планов. Также гражданский брак может существовать в форме совместной семейной жизни (иногда с воспитанием детей), ведением общего домохозяйства. Последний вариант, к слову, имеет серьезный минус, перечеркивающий возможные достоинства – дети в таком «браке» оказываются незащищенными юридически, да и каждому из партнеров в случае чего будет сложнее обосновать свои права (имущественные, материальные, родительские и др.). И все же современные гендерные практики достаточно гибкие, поэтому любая из существующих форм неофициальных отношений, может привести или не привести к заключению брака. Эта сфера явно становится ареной индивидуально- и группового социального творчества (насколько положительного или негативного – должно уточняться особо).

В целом у молодого поколения можно отметить рост индивидуалистических тенденций, для которых характерно ощущение собственной исключительности, повышенные требования к партнеру, ощущение меньшей ответственности за других (партнера, семью). Некоторые люди, ввиду разных причин, в том числе и перечисленных выше, осознанно выбирают одиночество как жизненную стратегию. Но даже если удастся образовать пару, то это еще не гарантия, что союз продлится долго.

Современное общество потребления культивирует «ненасытность» в получении «удовольствий», стремление к приобретению-получению все большего и большего числа материальных благ, «быстрых» удовольствий, скорой утрате интереса к ним и потому желанию новых – т. е. их частой смене. В сфере отношений это может реализовываться как увеличение числа «случайных», «одноразовых», временных связей. Катализатор возникновения большинства союзов – романтические чувства, страсть, влюбленность сами по себе не отличаются долговечностью, и в случае, когда они не успевают перерасти во что-то более значительное, весомое, база отношений распадается. Комплекс факторов: увеличение продолжительности жизни, массированный поток соблазнов со стороны массмедиа, высокие мобильность людей и темп, динамичность жизни, усиление индивидуалистически-эгоистических тенденций в жизненных стратегиях (желание жить только «для себя») также способствует внезапному разрыву отношений, их заведомой непрочности, приводит к сдвигу возраста вступления в брак, а так же к росту числа разводов.

Возможности для самореализации женщин теперь не ограничиваются только приватной (семейной) сферой. Через профессиональную деятельность, творческую или общественную практику женщины реализовывают себя в публичной сфере, ранее доступной лишь мужчинам. Оплачиваемая работа вне дома обеспечивает им финансовую независимость, что наряду с расширением мужской роли в решении бытовых задач, работе по дому, воспитании детей, является условием и следствием возможности перехода к эгалитарной модели отношений, к истинному равноправию мужчин и женщин.

Однако на пути к гармонии между полами встают некоторые сложности: по вектору «карьера-семья/материнства» все чаще встает не вопрос альтернативного выбора одного из двух, а возможности наиболее гармоничного совмещения, так как современных молодых женщин интересуют оба эти аспекта и для ощущения себя по-настоящему успешной и счастливой требуется реализация в обеих сферах. Возможности же для этого у женщин остаются ограниченными по сравнению с мужчинами (период рождения и воспитания ребенка, а тем более нескольких детей, предполагает «выпадение» из трудовой деятельности, что означает перерыв в приобретении опыта и наработке профессиональных компетенций, устаревание знаний и в следствии этого отставание в профессии из-за развития новых технологий/ необходимость начинать заново, «догонять»...). Учитывая проблемы устройства ребенка в детский сад и дальнейшую необходимость в соответствии с современными стандартами (дополнительные кружки, секции, сту-

дии, бассейн и т.п.) заниматься воспитанием ребенка, период, когда женщина не может полноценно включиться в работу и активно строить карьеру, растягивается с 1,5 – 3х летнего декретного отпуска до конца начальной школы. Следует отметить, что в условиях рыночной экономики компании требуют от работников повышенной эффективности, готовности работать энергично, с полной самоотдачей. И чтобы совместить радости материнства с желанием не только построить карьеру, но и зачастую просто остаться на рабочем месте, женщинам приходится использовать свои ресурсы на 150%.

Полноценное и даже минимально необходимое воспитание ребенка связано со все большими временными, эмоционально-силовыми, материальными затратами. В советский период государство, пропагандируя идеал матери – труженицы (контракт работающей матери), обеспечивало значительную поддержку материнству, целенаправленно развивая инфраструктуру поддержки и воспитания подрастающего поколения, предоставляя качественное и доступное образование, медицинское обслуживание, назначая символическую цену за товары детского ассортимента, тем самым реально снижая уровень тревоги в связи с необходимостью обеспечить ребенка материально, помогая женщинам совмещать работу и заботу о семье. Сейчас же демографическая и семейная политика, проводимая российским государством выглядит крайне лицемерно. Связано это с идеологическим ориентиром на создание семьи с минимум двумя – тремя детьми, сопровождающимся самоустранением государства от помощи в воспроизводстве населения, качественной организации воспитания и становления личности нового члена общества, заключающееся в свертывании и коммерциализации институтов помощи (трудность устройства в детские сады, необходимость плотно заниматься учебной работой ребенка, водить на дополнительные занятия и кружки, нанимать репетиторов из-за снижения уровня школьной подготовки).

При значительном снижении бюджетных средств на деятельность социальных институтов, поддерживающих родительство и детство, полностью перекладывая функции заботы, охраны здоровья, обеспечения образованности и безопасности ребенка на родителей, государство вмешивается в родительское право воспитывать своих детей и обеспечивать им обучение в соответствии с собственными убеждениями, навязывая определенный образовательный контекст, а также отнимает (отчуждает) и использует их по своему усмотрению. В России под этим преимущественно подразумевается обязанность прохождения воинской службы, зачастую в неподобающих условиях, с опасностью для здоровья (качество питания, условия проживания, не всегда вовремя предоставляемая медицинская помощь, «дедовщина»), иногда не связанной с обучением армейским навыкам (использование солдат в «рабском» труде – на строительстве «дач генералам»). В западных странах это может быть порой излишний контроль со стороны органов опеки, когда ребенка могут забрать от родителей из-за неверно понятой ситуации, зачастую необоснованных и непроверенных подозрений соседей, учителей, или же давление и даже наказание родителей из-за их несогласия с вектором образовательной программы, навязываемой государством. В качестве примера можно привести реформирование образования в ряде европейских стран, являющимся следствием проводимой на западе гендерной политики, легализовавшей однополые браки и усыновление/удочерение детей такими парами. В детских садах и школах вводятся обязательные уроки, на которых подробно рассказывается о гендерном и сексуальном многообразии общества. В Германии за отказ родителей от посещения их детьми данных уроков «сексуального просвещения» предусмотрены штрафы [3].

Еще одним непростым вопросом остаются попытки формирования более благосклонного отношения широкой общественности к таким сексуальным наклонностям как педофилия, инцест, зоофилия, некрофилия. Некоторыми активистами, в частности политиками и исследователями обозначаются, например, такие вопросы как возможность предоставления ребенку свободы распоряжаться своим телом, определяться самостоятельно со своей гендерной идентичностью, сексуальностью задолго до того, как он в состоянии это сделать с должной степенью понимания и ответственности. В Швеции и Дании от местных политиков поступают предложения о легализации интимных отношений между родителями и детьми, между братьями и сестрами [4].

Подавляющее большинство воспринимает подобные феномены крайне негативно, однако в условиях нарастания тенденций неадекватной толерантности, чрезмерной политкорректности и запредельной либерализации, в западных странах все чаще наблюдаются попытки представить это не как извращение, а как «нетрадиционные» формы секса. А потому предполагается возможным, что в самом ближайшем будущем развернутся настоящие баталии за разрешение этих форм как проявлений свобод. Вообще скандальность и непристойность все чаще становятся атрибутами «новаций» в области искусства, политики, способом приобретения известности и поддержания интереса к тем или иным персонам, идеям и другим атрибутам общественной жизни.

Современный этап развития гендерных отношений отличает многовариантность форм и типов, в которых они реализуются на практике, а также неоднозначное общественное отношение к ним – не существует единственной нормативной модели, провозглашенной политически и полностью разделяемой обществом. Это переходный этап, этап активного поиска новых гендерных ценностей и практических возможностей, сопровождающийся появлением различных отклонений и мутаций. И наиболее важным сейчас представляется то, чтобы в основе неоспоримо необходимых обществу новаций в гендерной сфере все же лежала здоровая традиция.

Библиографический список

1. Зальцман М., Мататиа А., О« Райли Э. Новый мужчина: маркетинг глазами женщин/ пер. с англ. А. Стативки. – М.: ИД «Коммерсантъ»; Спб.: ИД «Питер», 2007, с.28.
2. Азарова Е.А. Влияние культуры на формирование и измерение моральных гендерных стереотипов// Российский женщины и европейская культура: Материалы V конференции, посвященной истории женского движения/ СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2001, с.218.
3. ««Гендер для всех» и права родителей. Состояние дел в Европе» <http://r-v-s.su/news/2014/gender-dlya-vseh-i-prava-roditeley-sostoyanie-del-v-evrope>
4. «Швеция, Дания и Швейцария голосуют за легализованный инцест?» <http://juvenaljustice.ru/index.php/news/1304-shvetsija-danija-i-shvejsarija-golosujut-za-legalizovannyj-intsest>

К ПРОБЛЕМЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ЛОКАЛЬНЫХ АРТ-РЫНКОВ (НА ПРИМЕРЕ ЛОУРЕНСА, ШТАТ КАНЗАС)

*А.А. Егорова
г. Екатеринбург, ЕАСИ*

Пожалуй, ни одно гуманитарное исследование не обходится сегодня без обращения к понятиям «глобального» и «локального». Наша современность во многом образована взаимодействиями и «стыками» глобального и локального. Все большее внимание уделяется изучению локальных единиц – городов, областей, регионов. Исследования этих «мест» и «местечек», уникальность которых формируется активностью их резидентов, ведутся с позиций различных аспектов – социокультурного, экономического, политического, религиозного и т.д. Академическая стажировка в Университете Канзаса (город Лоуренс) позволила нам обратиться к особенностям местной среды. Внимание было сконцентрировано на существующем здесь арт-рынке, что было обусловлено спецификой наших научных интересов.

Присущие постмодернистскому социокультурному контексту свойства ризомности, антииерархичности, нелинейности, семантического и аксиологического плюрализма обусловили характерное современному гуманитарному дискурсу понимание того, что, по словам культуролога С. Л. Кропотова, «между культурой, экономикой и искусством нет отношений детерминации, но существуют инфильтрации, имеются многочисленные точки пересечения траекторий... после которых могут возникать как совпадения измерений, переплетения путей, так и «разбегания», расщепления этих разнородных реальностей» [2, С. 21]. Одной из таких «точек пересечения» является арт-рынок, в силовом поле которого решается проблема соотношения цены (экономической категории) и художественной ценности (культурной категории).

Согласно точке зрения М. С. Кагана, «развитие эстетического сознания и художественной

деятельности происходит в общем и целостном социокультурном контексте» [1, С. 515]. Разделяя этот взгляд, можно говорить, что арт-рынок не является константной величиной, а его особенности определены характером современной ему социокультурной ситуации. В связи с этим арт-рынок понимается как интегрированный в конкретный историко-культурный контекст феномен, осуществляющий культурно-экономическое взаимодействие между художником как субъектом производства и публикой как субъектом потребления художественных ценностей.

Однако необходимо отметить, что отечественная культурологическая традиции далека от того, чтобы дистанцироваться от эссенциалистского подхода. Одна из ключевых проблем заключается, на наш взгляд, в том, что эссенциалистский взгляд на искусство изгоняет в теории из области искусства все, что на практике составляет его большую часть: «художественный» ширпотреб, качественную художественную продукцию массового спроса и современные художественные эксперименты. Подобное допустимо для эстетики как философии эстетически (художественно) должного, но не позволительно для культурологии, имеющей дело с реальным наполнением художественной сферы продукцией разного рода и уровня. Поэтому в целях дистанцирования от эстетико-искусствоведческих вопросов о художественной ценности и ее критериях, подлинности и неподлинности произведения искусства, для культурологического анализа современного арт-рынка представляется концептуально оправданным заменить термин «художественная ценность» термином «визуальная фикция» (от англ. fiction, в значении «вымышленный»). Такая замена позволяет уравнивать признанные работы известных художников и провокативные творения начинающих авторов, чтобы затем показать работу рынка по актуализации первых и легитимации вторых в качестве произведений искусства. В категорию визуальной продукции или визуальных фикций (visual fictions) мы включаем как традиционные произведения изобразительного искусства – живопись, оригинальную и печатную графику, скульптуру, так и инновационные и экспериментальные произведения-объекты, жесты или действия, которые представляют собой визуальные образы-аналоги реальных или воображаемых объектов, сущностей, понятий или идей.

Художники Дэмиен Хёрст и Такеси Мураками, аукционные дома Кристис и Сотбис, галерея Белый куб, арт-дилер Ларри Гагосян, коллекционер Чарльз Саатчи – эти всемирно известные люди и институции производят не только искусство и деньги, но и многочисленные медиаповоды. Однако они составляют лишь сияющую верхушку арт-рыночного айсберга, девяносто процентов которого скрыто под темной непроницаемой толщей воды. Региональные и местные арт-рынки не часто становятся объектом академического анализа, в то время как они образуют основу пирамиды, вершина которой – Нью-Йорк. Процесс, названный Хансом Ульрихтом Обристом «умножением центров», нарушил арт-рыночную гегемонию Нью-Йорка. Современный арт-рынок стал похожим на сеть, узловыми точками которой являются Абу-Даби, Дели, Москва, Токио и другие мировые столицы. Вместе они образуют глобальный международный арт-рынок. Помимо последнего, существуют национальные (рамки государства), региональные (рамки региона, объединяющего несколько территорий – штат, область и т.д.) и локальные (местные, городские) художественные рынки. Несмотря на то, что современные технологии связи и социальные сети пронизывают весь мир, объединяя его в «глобальную деревню», о которой писал Маршал Маклюэн, нельзя не признать, что в практической жизни оппозиция центра и периферии сохраняется, дополняясь взаимодействием глобального и локального. Последнее также представляют собой сложный диалектический процесс противоборства и единения. С одной стороны, глобальное проникает в локальное, и либо размывает и стандартизирует его, либо само глобальное трансформируется с учетом местных особенностей, превращаясь в глокальное. В результате появляются периферийные территории, совмещающие в себе глобальные и локальные черты. Многочисленные труды, посвященные современному арт-рынку, концентрируются либо на арт-рынке глобальном, либо на том его сегменте, который можно условно обозначить «высоким искусством». Наше исследование сознательно лишено таких ограничений и построено на стремлении проанализировать все многообразие художественной и арт-рыночной активности Лоуренса. Основными методами исследования стали включенное наблюдение и интервью с активными участниками местной арт-сцены – художниками, галеристами, коллекционерами. Освоение

незнакомой территории требует неких ориентиров – отправных точек. Таковыми стали художественные институции города – местные музеи и галереи. Вслед за ними были изучены площадки, функционально не предназначенные для демонстрации и продажи художественных произведений, однако осуществляющие эту деятельность – рестораны, кафе, отели, парикмахерские.

Джон Виллани обозначил Лоуренс пятнадцатым в своей книге «100 лучших малых городов Америки»; Национальный Фонд Искусств США назвал Лоуренс двенадцатым среди американских городов с наибольшим числом активно работающих художников (в процентном соотношении к общей численности населения). В городе постоянно и успешно действуют 11 частных арт-галерей и несколько художественных студий, выставочная активность Художественного музея имени Спенсер и Арт Центра посвящена художникам национального и мирового уровня, в течение трех лет реализуется проект «Финальные пятницы», когда каждую последнюю пятницу месяца арт-институции представляют новые выставки и открыты допоздна.

Предприняв попытку выявить причины парадоксально высокой художественной и арт-рыночной активности этого города с населением чуть больше восьмидесяти тысяч человек, мы пришли к пониманию того, что основополагающими факторами здесь стали «генетическая» предрасположенность к свободомыслию (Лоуренс был основан как свободная от рабства территория); активность Университета Канзаса и Университет Хаскел; деятельная поддержка арт-сцены местными жителями и представителями бизнеса, вызванная пониманием высокого экономического потенциала художественного производства и стремлением к созданию бренда Лоуренса как художественного центра.

Библиографический список

1. Каган М. С. Эстетика как философская наука: Университетский курс лекций / М. С. Каган. – СПб. : Петрополис, 1997. – 544 с.
2. Кропотков, С. Л. Экономика текста в неклассической философии искусства Ницше, Батая, Фуко, Деррида / С. Л. Кропотков. – Екатеринбург : Гуманитарный университет, 1999. – 408 с.

СОЦИОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ОБРАЗОВ (НА ПРИМЕРЕ РОМАНОВ В.ГЮГО «ОТВЕРЖЕННЫЕ» И А. ФРАНСА «ПРЕСТУПЛЕНИЕ СИЛЬВЕСТРА БОНАРА»)

Д.В. Епланов

Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева

Научный руководитель кандидат философских наук, доцент

Н.И. Глухих

Философское представление о литературе как о социокультурной системе возможно через диалектику общественного бытия и общественного сознания. Наш социологический аспект изучения литературы основан на функциональном предназначении её в поддержании культурной идентичности общества. Нас интересует способ соотношения ценностно-нормативных систем различных социальных образований (писатель, критик, публика, библиотека, книгоиздательская деятельность и т.п.). В современных условиях происходит противоречивая трансформация всех основных социальных институтов, это касается, и сферы высшей школы. В этом заключается актуальность выбора данной темы. Относящаяся к духовной сфере общественного взаимодействия, литература возникает в процессе формирования, сохранения, распространения и передачи духовных ценностей. Ее специфика в субъективно-авторском осмыслении действительности.

Объектом исследования мы предлагаем творчество французских прозаиков XIX века А.Франса и В.Гюго. На первый взгляд они несопоставимы: Гюго – теоретик французского романтизма, Франс же – «последний классик» европейского реализма. Несмотря на это, их объединяет общая тенденция обращения в художественном творчестве к социальной проблематике. Хотя социальные проблемы, о которых пишут исследуемые авторы, существовали всегда, как объект социологического дискурса, они были осмыслены только в конце XIX века.

Социологическое измерение – широкое понятие. Оно включает в себя исследования личности в аспекте теории социальной девиации, стратификационной теории, в парадигме конфликтологического измерения и в контексте анализа ее социального статуса.

Особое внимание мы уделяем проблеме девиации в отношении к художественным образам в исследуемых нами художественных произведениях. Девиантология как направление междисциплинарного исследования возникает во второй половине XIX века.

Выделим два подхода к изучению проблемы социального отклонения.

Согласно первому подходу, в науке получившем наименование «социальная патология», девиация есть суть биологическое, врожденное отклонение. Этот подход отражен в работах Чезаре Ломброзо «Типы преступников», «Гениальность и помешательство». Он разработал формулу, положенную в основу наиболее востребованной в криминологии формулы преступной пораженности. В своей формуле основатель антропологического института предлагает средние размеры антропологических признаков осужденных соотносить с количеством несовершеннолетних, употребляющих спиртные напитки. Полученный результат, умноженный на условный показатель «Е» рассматривается как частотный признак универсала. Данная формула позволяла выявить причинность преступности, которая на общем уровне всегда сводилась к длине тех или иных частей тела [5, 36].

Однако в научной литературе этот подход был раскритикован. С одной стороны, основанный на частных наблюдениях Ломброзо, он был опровергнут ими же. С другой, почти не имевший практической пользы метод дал дорогу работам таких исследователей как Бертильон, Хершел и Гофман.

Относительно художественности романа необходимо отметить, что главный образ романа В.Гюго «Отверженные» – целостный образ Жана Вальжана весь является опровержением этой гипотезы. Человек, внешний вид которого, по мнению Ломброзо, вне всякого сомнения, говорил о его преступных склонностях, не только осмыслил совершенную им ошибку (совершенную, кстати, в большой нужде), но искупил свою вину перед обществом.

Второй подход в девиантологии носит название функционально-объективистского и предполагает отношение к социальному отклонению как к проявляющейся дезорганизации субъекта. Рассмотрим героев романа «Отверженные» в парадигме исследований виднейшего представителя функционализма – Роберта Мертона. Основные его работы: «Социальная структура и аномия», «Социальное время: опыт методологического и функционального анализа» – в них автор рассматривает проблему принятия или отрицания субъектом общественно значимых средств и целей [6, 55]. В контексте классификационной теории девиации, разработанной Мертоном в 1910 году, и основанной на отношении субъекта к комплексу общественных идеалов мы видим, что тотальный конформизм (рассматриваемый автором как нормальность) является недостижимым идеальным типом мироощущения. Соответствует ему лишь образ епископа Мириэля – абсолютного протагониста романа.

Герои «Азбуки» и Мариус – типичные революционеры, а их девиация – бунт. Отрицая как устаревшие цели, так и неэффективные средства, они преступают устоявшиеся общественные нормы и действуют в парадигме обновления. Пытаясь сместить правящую элиту, герои обращают внимание на ставшую традиционной триаду французских революционеров: «Свобода. Равенство. Братство». Любопытно, что здесь автор отказывает французскому обществу в милосердии и понимании этих, безусловно, высоких идей. Таким образом, в художественном пространстве они являются нетипичными, иначе «неодобряемыми».

Эпонина и Гаврош – ретриаты, но особенность их девиаций заключается в осознанном стремлении превзойти недостаток. Во время первого появления представший перед читателем босяком, на баррикадах Гаврош достигает гармонии в бунте: здесь необходимо вспомнить теорию подражания французского социолога Г. Тарда. Его идея уподобления субъекта обществу находит отражения в закономерностях художественного процесса, ведь выросший под знаменем свободы ребенок не смог отказаться от цели своих «учителей». Таким образом, мы видим переход одной девиации в другую под влиянием объективного закона культурного переноса социального отклонения.

Продолжая разговор о теории культурного переноса девиации, мы отметим следующее: сам Гюго дает нам понять, что история Фантины есть история приспособления сообразно с имеющимися общественно-экономической системе возможностями. Следовательно, ее поведение, по мнению автора, не заслуживает порицания.

Жавер – образ ритуалиста, он доводит до абсурда принципы и нормы данного общества. Если бюрократ, требующий соблюдения всех формальностей от просителя, работающий «по правилам», приводит к остановке самой работы, то цель Жавера «проследить, по какому пути прошел грех» [3, 128]. В противоположность этому – инноватор Вальжан, использующий не столько «неодобряемые» обществом средства достижения одобряемой цели, сколько неизвестные, а потому чуждые средства. Он – экономический инноватор. Но средства инноватора не обязательно должны быть просто непривычными в данный момент времени для данного общества, но также криминальными. Эту позицию в романе занимает Тенардье.

Итак, вне объективного конформизма, чаще всего мы наблюдаем долгий путь героя к осмыслению подобного поведения как абсолютного. Так, Вальжан, в юности совершивший преступление, обретает только к 65 годам прощение Жавера, символа государственности в романе. Это связано, в первую очередь, с различным пониманием героями идеи общественного блага (в отличие от Жавера, Вальжан верит не в правосудие, но в милосердие). Также относительно Вальжана и его злоключений вспомним теорию стигматизации Э. Лемерта и Г. Беккера. История этого героя является замечательной иллюстрацией определения девиации не столько поведением или содержанием конкретных поступков, сколько групповой оценкой, «навешиванием» на человека ярлыка «нарушителя» установленных норм и применением против него санкций. Интересно, что именно образ Фантины объединяет в себе три концепции, включаемых автором в определение «конформности»: принятие общественно одобряемой цели, отказ от общественного вкуса (формула «поступиться принципами ради...») и использование лишь предлагаемых, допустимых в данном обществе в данное время, ресурсов производства.

Образ главного героя романа А. Франса «Преступление Сильвестра Бонара» же, абсолютно книжника, предполагает принятие неодобряемых (точнее, нетипичных) целей и достижение их с помощью одобряемых средств. Этот тип девиации не выписан Мертоном как самоценный, однако, на наш взгляд, проблема бегства от общественно полезного весьма актуальна сегодня.

Во время анализа художественных образов мы обращались к концепциям интеракционного подхода к проблеме девиации (Лемерт, Беккер, Тард). На наш взгляд, такое дуалистическое осмысление проблемы позволяет наиболее полно представить ее причины, раскрыть сущность образа.

Итак, мы проанализировали художественные образы с точки зрения теории социальной девиации. Безусловно, подобные исследования способствуют углублению знаний о художественности романа и мире его социальных взаимодействий. Вне общества личности не существует, поэтому для наиболее всестороннего осмысления персоналий художественных произведений прибегать к методологии социологической науки весьма перспективно. В эпоху культурно-нравственного падения, отрешения от основных, даже «инстинктивных» навыков прикладной герменевтики, перед учителем-словесником стоит непосильная задача – донести идеи, обличенные в формы художественности до слушателей. Литература устаревает – это факт и с ним стоит смириться. И до тех пор, пока в школах будут изучать безвозвратно уходящие образцы классической художественности, наука будет предлагать все новые способы их осмысления.

Библиографический список

1. Голубицкий Ю.А. Социология и литературный процесс. Физиологический очерк (1830 – 1840 гг.) как предтеча русских социологий // М.: Вече. – 2010. – 281 с.
2. Гудков Л., Дубин Б. Литература как социальный институт // Научная библиотека. – 1994. – 350 с.
3. Гюго В. Отверженные // Азбука. – 2007. – 768 с.
4. Добренков В. Американская социологическая мысль // Изд-во МГУ. – 1994. – 496 с.
5. Ломброзо Ч. Гениальность и помешательство // Республика. – 1996. – 400 с.
6. Мертон Р.К. Социальная структура и социальная структура // М.: АСТ. – 2006. – 880 с.
7. Франс А. Преступление Сильвестра Бонара // Государственное издательство художественной литературы. – 1955. – 166 с.

ЭТИКА НЕНАСИЛИЯ И ПРОЦЕСС ГЛОБАЛИЗАЦИИ

А.В. Конухова

*Красноярский государственный педагогический университет
Научный руководитель доктор философских наук, профессор*

В.В. Минеев

Глобализацию можно считать важнейшим социально-историческим вызовом, с которым связаны новые угрозы, перед лицом которых оказалась планета. Это и опасности военных вторжений, и терроризм, и сепаратизм, принимающий недопустимые варварские формы, международная преступность, и, может быть, самое главное – возрастание экономического разрыва между различными регионами планеты, нарастание напряженности, углубление социальной несправедливости. Учёные пока не пришли к единому мнению в отношении единого понятия «глобализация».

В энциклопедии «Глобалистика» (под ред. Чумакова) собраны различные определения глобализации, созданные исследователями, изучающими эту проблему – А.И. Уткиным, А.С. Панариным, М.Г. Делягиным и др. [Глобалистика, 2002.С.181]. Проблема особенно активно изучается в течение последних пятнадцати лет, и, можно надеяться, в ближайшее время исследователи придут к консенсусу и сформулируют относительно точное определение этого термина. На сегодняшний день одним из наиболее точных можно считать определение А. Чумакова: «Глобализация – процесс универсализации, становления единых для всей планеты структур, связей и отношений в различных сферах общественной жизни» [Чумаков, 2011.С.31]. Отметим, что в этом процессе ненасилие играет особую роль, ибо именно ненасилие способно стать фактором консолидации в социальных отношениях. Так называемые развитые страны добиваются успеха отнюдь не благодаря более передовым экономическим или социально-политическим моделям, а с помощью того, что искусственно консервируют отсталость в странах периферийной зоны, экспортируют всевозможные революции, осуществляют идеологический контроль, реализуют меры внеэкономического принуждения, то есть применяют принцип насилия открыто и широко. Попытаемся проследить взаимосвязь феноменов ненасилия и глобализации.

Этика ненасилия – это система нравственных представлений, в основе данной системы лежит «принцип ненасилия», согласно которому более этичным является выбор, уменьшающий зло в мире.

С другой стороны, в узком смысле этика ненасилия является совокупностью этических учений и социальных движений в истории философской мысли от учения о «непротивлении злу насилием» Л. Н. Толстого, теорий М. Ганди и М.-Л. Кинга, вплоть до сегодняшнего дня.

Соответственно, термин «этика ненасилия» можно понимать и в широком, и в узком смысле. В области философских знаний предпочтительна, конечно, трактовка широкая.

Можно ли вообще говорить об этике в условиях глобализации? Сегодня говорят о глобальной этике, глобальном обществе, глобальном сознании, глобальных проблемах, это тема популярна среди исследователей. Но именно в процессе глобализации этика трансформируется, и общество всё больше уходит в сторону от традиционных нравственных ценностей к неким «универсальным», которые на поверку нередко оказываются насаждающимися западными ценностями. Происходит некая «универсализация» морали, когда, например, все страны, даже исконно мусульманские и христианские, должны толерантно относиться к пропаганде преимущества «нетрадиционной сексуальной ориентации», ни много ни мало, приветствовать проведение гей-парадов в своих странах. Следовательно, западные «универсальные» ценности внедряются, навязываются в ущерб значительной части общества (и даже не суть важно, составляет ли эта часть большинство или меньшинство населения). Значение традиционных этнических ценностей уменьшается, нивелируется самобытность различных культур. В глобальном обществе как бы «стираются» национальные границы. Результаты процесса неоднозначны. На первый взгляд, преобладают ненасильственные способы глобализации. Если глубже всмотреться в этот процесс, то иные ценности часто именно насаждаются, то есть здесь присутствует насилие.

Форсирование процессов глобализации может выражать эгоистические интересы отдельных политических групп. В то время как истинное ненасилие является способом «смягчения» воздействия процесса глобализации на общество. Ибо ненасильственное взаимодействие различных рас, наций, народов оказывается более эффективным для мирного взаимодействия государств. Глобализация как общественное явление имеет диалектическую природу. Это всё время меняющийся, развивающийся процесс, который, с одной стороны, совмещает разнородные группы, а с другой – создаётся в целях или интересах выгоды определенных людей, то есть одновременно их и разъединяет. Таким образом, посредством процесса глобализации реализуется диалектическое взаимодействие насилия и ненасилия.

Глобализация связана с процессом отчуждения, как верно замечают некоторые красноярские исследователи, например, Н. С. Дуреева [Дуреева, 2010.С.10]. Так, имплантация нравственных ценностей отражает диалектику исследуемых противоположных начал. Тоже можно сказать и о других сферах, в которых диалектическое взаимодействие не исключает симптомов отчуждения. Например, в современном мире экономика зачастую выстраивается как система навязывания интересов. Навязчивая реклама призвана способствовать покупаемости продукта и культивирует в потребителях эгоистическое начало. Нечто подобное бывает и в межличностных отношениях – любовь может превратиться в насилие над любимым человеком.

Власть, которая призвана упорядочивать, а не создавать анархию, с лёгкостью может превратиться в тиранию.

И это неудивительно, ведь при рассмотрении категорий насилия и ненасилия проблема власти всегда была камнем преткновения. Ненасилие традиционно выступало принципом, консолидирующем общество. Кроме того, возможен государственный переворот с помощью мнимого насилия – это цветные революции. Если целью ненасильственных революций в Индии и Америке являлось установление социальной справедливости, то целью нынешних, цветных революций является передел власти, поиск выгоды определенных, заинтересованных в этом сторон. Данная ситуация ещё раз доказывает, что ненасильственные методы можно применять как во благо (освобождение народа), так и для завоевания, даже для создания открытой или скрытой колониальной зависимости. Истинное ненасилие не может быть сопряжено с корыстной выгодой (а такое «ложное» ненасилие мы видим в процессе глобализации и цветных революциях) и не может быть нацелено на причинение физического вреда какому-либо человеку, народу или государству. Истинное ненасилие не провоцирует конфликт, а, напротив, сплачивает его, урегулирует взаимоотношения, ведет к сотрудничеству.

Все противоположное можно сказать о ненасилии мнимом.

С одной стороны, личность может как противостоять цветной революции, так и отстаивать свои гражданские права. С другой стороны, в глобальном обществе человек становится винтиком в машинемассовизации, политических конфликтов, информационной войны. Разрешить противоречия один человек, даже придерживающийся этики ненасилия, не может, за исключением ситуаций, в которых ему удастся стать лидером группы. Следовательно, принцип ненасилия необходимо реализовывать на макроуровне, в межгосударственных отношениях, для решения важных вопросов, которые влияют на жизнь общества в целом.

Как верно отмечает И.А. Гобозов, «... противоречия между государством и обществом проявляются прежде всего как противоречия между моралью и политикой. Цель общества – ненасилие. Цель государства – защита классовых групп и иных интересов» [Гобозов, 2013.С. 80]. Так, многочисленные конфликты, связанные с новым «переделом» мира могут быть решены без войны и даже без холодной войны с помощью дипломатии. Насилие, связанное с военными угрозами, может принимать разнообразные формы. Теперь война может вестись не только с помощью военной техники, но и другими средствами. Как и цветную революцию, войну можно проводить с помощью СМИ, профанации выборов, воздействия на массы через харизматических лидеров, символы, санкции и т. д. и т.п. За всем этим может стоять борьба за распределение природных ресурсов, а возможно, и передел мира. В условиях, когда большинство стран имеет ядерное оружие, открытое насилие будет сдерживаться, что и предсказывал Ганди в своей статье «Атомная

бомба и ахимса»: «Мои американские друзья высказали предположение, что атомная бомба скорее, чем что-либо другое, принесет ахимсу (ненасилие). Следует понимать это так, что ее разрушительная сила вызовет такое отвращение, что весь мир на какое-то время отвернется от насилия... Точно так же и мир вновь вернется к насилию, когда воздействие отвращения ослабнет» [Ганди, 1969.С.567].

Впрочем, есть и другая сторона проблемы. В современном мире насилие не столько ослабевает, сколько принимает другие формы, что отражает диалектическое взаимодействие противоположных начал – насилие в современном мире становится скрытым, а истинное ненасилие сложно отделить от маскирующего мнимого. Конечно, истинногненасилия достичь сложно, однако стремление его реализовать на практике является шансом к достижению ненасилия как идеала. Человек, живущий насилием, утрачивает свою человеческую сущность, возможность гуманистического бытия как такого. Точно также мир, живущий скрытым насилием и процессом глобализации, разрушается изнутри. Ненасилие ратует за справедливые отношения (межгосударственные, социальные, межличностные). Прежде всего, нужно рассматривать ситуации с различных сторон, искать наиболее справедливое решение. Это не означает того, что насилие при решении конфликтов исключается, это означает лишь то, что необходимо идти путём наименьшего насилия (Р. Г. Апресян). Современные исследователи концепции ненасилия Р.Г. Апресян и В. Мейерс предлагают свои пути выхода из кризиса для современного общества – считают, что применение силы допустимо, но в ограниченном количестве и вырабатывают критерий его ограничения – степень разрушительности действий [Meeyers, 2000, Апресян, 2010].

Ключевая задача философии заключается именно в том, чтобы понять единство социально-политических и общеполитических аспектов насилия и, соответственно, способов его преодоления.

Консолидация общества может осуществляться разными путями: авторитарным, демократическим и т.д. Анализ истории общества показывает, что насильственные методы исчерпали себя не только в собственно политическом, экономическом, эколого-геополитическом отношении (это известно было давно), но и в отношении онтологическом, более того – метафизическом.

Во-первых, политическая практика является одной из важнейших (хотя далеко не единственной) сфер, в которой проявляется общая ориентация человека на достижение целей насильственным путем. В свою очередь, эта практика служит своеобразной школой данной ориентации, её целью, оправданием и т.п. Во-вторых, политическая практика выступает полем конституирования идеалов, отвлеченных идеологических принципов. Ненасилие, равенство, идеалы создаются в этом поле. Это поле политических взаимодействий. В-третьих, именно в политической практике может быть использован ряд ненасильственных техник.

Такие политические техники могут быть использованы и в процессе глобализации. Современными учёными выделяется также ряд глобальных проблем, важнейшие из которых необходимо перечислить:

- проблема предотвращения войны и сохранения мира;
- проблема преодоления разрыва в социально-экономическом развитии различных стран
- обеспечение экологического равновесия во взаимодействии природы и общества
- осуществление контроля над демографическими процессами
- искоренение неграмотности и развитие системы образования
- угроза со стороны международного терроризма и преступности» [Чумаков, 2011.С. 34].

Проведённый анализ показал, что ключом к решению каждой из перечисленных проблем является принцип ненасилия. С нашей точки зрения, наиболее эффективным при этом будет использование прагматического подхода.

Именно прагматическое ненасилие способно предотвратить негативные последствия глобализации, создать в обществе этику истинного ненасилия, а не ложного, о котором говорилось выше. Равенство, сотрудничество, братство, свобода, способность к компромиссу и диалогу – всё это возможно в глобальном обществе, построенном на принципах ненасилия. Ненасилие

способствует объединению людей и движет человеческим прогрессом. Ещё П.А. Кропоткин отмечал, что взаимопомощь даёт большую силу, чем агрессия [Кропоткин, 2011]. Ибо глобализация интегрирует самые различные культуры, и, если принцип ненасилия внедряется в этот процесс, то он дает возможность корректировать его в самих этических основаниях.

Библиографический список

1. Глобалистика : энциклопедия / под ред. И. И. Мазура, А. Н. Чумакова. М.: Радуга, 2003. 1327 с.
2. Чумаков А. Н. Глобализация. Контуры целостного мира. М.: Проспект, 2011. 432 с.
3. Дуреева, Н. С. Глобализация как социальное явление. Красноярск : СФУ, 2010. 119 с.
4. Гобозов, И. А. Государство и национальная идентичность. Глобализация или интернационализация? М.: Либроком, 2013. 198с.
5. Ганди М. К. Моя жизнь. М. :Наука, 1969. 612 с.
6. Meyers W. Nonviolence and Its Violent Consequences. <http://www.iiipublishing.com/>
7. Апресян Р. Г. Этика силы – в противостоянии насилию и агрессии / Р. Г. Апресян // Вопросы философии. №9. 2010. С. 143-153
8. Кропоткин П. А. Взаимопомощь как фактор эволюции. М.: Самообразование, 2011. 256 с.

МЕСТО ЖЕНЩИНЫ В ОБЩЕСТВЕ: ФИЛОСОФСКИЙ ВЗГЛЯД

К.Р. Лотарева

*Сибирский государственный технологический университет
Научный руководитель кандидат философских наук, доцент
А.С. Черняева*

Изучение положения женщины в обществе начинается с античности. В греческой мифологии сохранялся культ женщины (Афродита, Ника, Деметра и др.), такой же культ был и в Риме (Венера, Виктория, Цецера и др.). Красивая женщина в Древней Греции стоила несколько голов рогатого скота. Как сказал Гомер, «четыре рабочих вола за одну жену». Мужчины, согласно римскому праву, имели полное право на жизнь и смерть своих жен, которых они продавали, покупали, а нередко и убивали [2].

Рассмотрим оценку места женщины в обществе, которую выносили философы античности, поскольку они в эту эпоху обладали высоким социальным статусом, оказывали серьёзное влияние на взгляды и стереотипы общества.

Крупнейший философ Греции Платон весьма противоречиво высказывался о женщине. Он предполагал, что в будущем идеальном государстве оба пола должны будут освоить одни и те же занятия и ремесла. Женщинам наравне с мужчинами придется участвовать в войне, в силу чего они должны овладеть воинскими навыками. Способными к функциям воинов-стражей, по Платону, женщины вполне могут быть, лишь бы налицо были соответствующие задатки и лишь бы женщина получила необходимое для выполнения этих функций воспитание. «Силы природы равно разлиты в обоих живых существах: по природе всем делам причастна и женщина, всем и мужчина; но женщина во всем слабее мужчины» [1]. Однако в этой ее слабости нельзя видеть основания для того, чтобы «все предписывать мужчинам, а женщине ничего». Следовательно, в отношении к охране государства «природа женщины и мужчины одна и та же, кроме того лишь, что первая слабее, а вторая сильнее» [3].

Платон писал: «Насколько женская природа по своему достоинству хуже нашей, мужской, настолько же она превосходит нас своей многочисленностью». По его мнению, женщина, наделенная множеством недостатков, служит средством достижения мужского счастья на Земле.

Подобную же точку зрения высказывает и древнегреческий философ Аристотель. В своей книге «Политика» он изображал женщину как слабое и несовершенное человеческое создание. Аристотель называл женщину «существом диким и лишенным разума». Иногда, защищая свободную женщину, но не рабыню, он говорил, что она способна мыслить, но в крайне «слабой степени». Ее подчиненная роль в семье объясняется, якобы, недостаточным развитием жен-

щины, женщина, так сказать, «недоделанный мужчина». Муж, по праву, – глава семьи. Женщина подобна почве, которая лишь вбирает в себя и вынашивает посеянное зерно, тогда как мужчина и есть «сеятель». Или, как считал Аристотель, мужчина даёт «форму», а женщина же вносит свою лепту «материей».

Человеческие существа всегда принадлежат к тому или иному сообществу, таков исходный пункт мысли Аристотеля. Самое первоначальное, самое необходимое сообщество – это семья, ойкос. Глава, деспотес, обладает женой, детьми и рабами. Эти отношения являются в разной степени неравными, но, согласно Аристотелю, все они основаны на природе, а это значит, что они справедливы по своей сути и отвечают интересам обеих сторон: дети повинуются своему отцу, рабы – своему хозяину, но это повиновение соответствует их интересам не меньше, чем интересам отца и хозяина, потому что дети нуждаются в том, чтобы их воспитывали, а рабы – чтобы ими руководили.

В XVIII веке активизируется философское и естественнонаучное изучение природы человека и общества, сущности социальных отношений, вследствие чего изменяется и представление о роли женщины в обществе.

Уже к середине столетия критические голоса французских просветителей способствовали разоблачению мифа о женщине как неравном мужчине существе «второго сорта». Вольтер обличал несправедливость женской доли; Дидро полагал, что униженное существование женщины есть «следствие определенных гражданских законов» и обычаев; Монтескьё писал, что женщина может и должна участвовать в общественной жизни; Гельвеций доказывал, что гражданская «непросвещенность женщин есть только следствие ее неполного и неправильного воспитания». При явной критической направленности высказываний просветителей о феодально-сословном браке, они воздержались от признания за женщинами прав на полную гражданскую состоятельность, способность выступать субъектами истории. Развив идею «естественного права» по отношению к женщинам, Ж.-Ж. Руссо включил в ее состав миф о «природном предназначении» мужчин и женщин, надолго закрепив в общественной мысли взгляд на природно-физиологическую обусловленность общественного разделения труда по половому признаку.

На протяжении всего XVIII века женщины европейских стран принимали активное участие в жизни общества. Масса женщин работала на себя и обладала экономической независимостью; простолюдинки были вольны посещать публичные места, а светские дамы, организуя свои салоны, пытались вмешиваться через их посетителей – своих друзей – в политику. В общем хоре требований свободы от деспотизма женщины просили признания их прав на гражданскую жизнь – на образование, на труд, на уважение в семье и обществе.

Неоценимый вклад в изменение отношения к женщине внесли социалисты-утописты XIX в., особенно Шарль Фурье, полагавший, что «социальное положение женщин является мерилем общественного прогресса». Он писал в своей работе «Судьбы мира и человечества», что стремление сделать всех женщин домашними хозяйками говорит о порочности социального механизма. Он подвергал критике тех, кто утверждал, что женщина создана только для того, чтобы снимать накипь с горшка и чинить старые штаны. Слово «феминизм» сконструировано Фурье в конце XVIII для обозначения сторонников женского равноправия.

Значительный вклад в определение роли женщины в обществе внес А. Бебель. В своей книге «Женщина и социализм» он дал глубокий анализ путей социального освобождения женщин, писал о необходимости для них заниматься творческой деятельностью. Женщина должна быть полезным и равноправным членом общества, наравне с мужчиной иметь возможность развиваться физически и умственно, требовать признания своих прав. Вот тогда она достигнет полного совершенства.

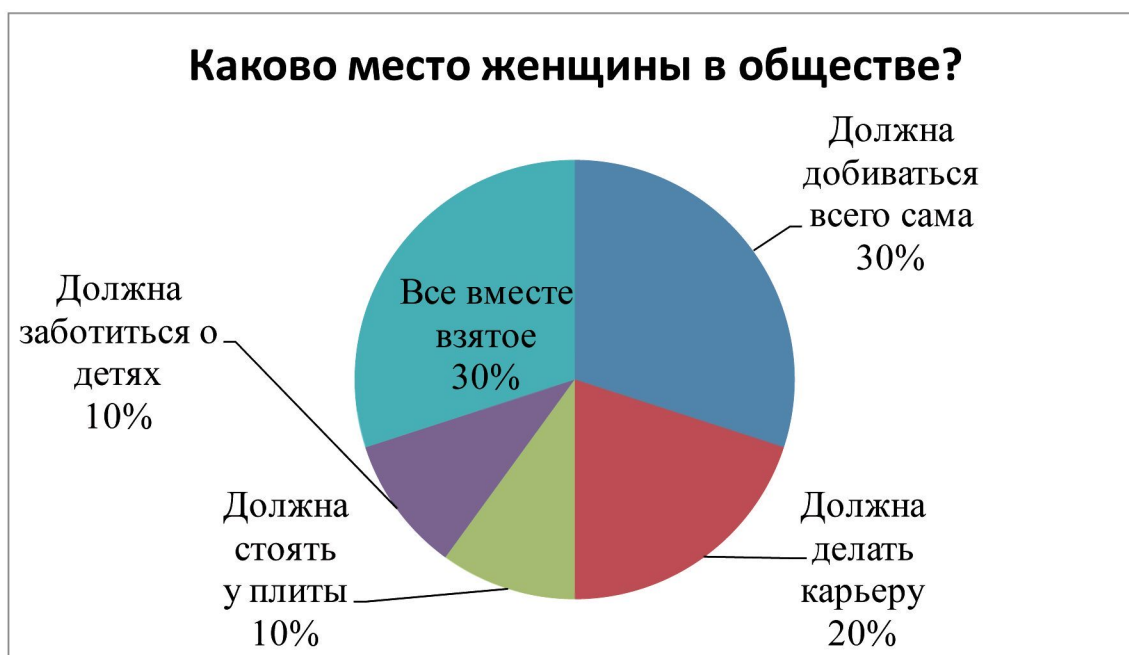
На таких же позициях стояли и русские революционные демократы. Н.Г. Чернышевский был поборником равенства мужчин и женщин. Его возмущало, что женщина занимает недостойное место в семье и обществе. По его мнению, женщина играла до сих пор такую ничтожную роль в умственной жизни потому, что господство насилия отнимало у нее и средства, и стремление к развитию.

Эти мысли о равенстве полов были далее развиты и использовались на практике представителями марксистской теории. К. Маркс в письме к Л. Кугельману писал: «Каждый, кто сколько-нибудь знаком с историей, знает также, что великие общественные перевороты невозможны без женского фермента». Большое внимание проблеме эмансипации женщин уделяли Ф. Энгельс и В.И. Ленин, считая необходимым вовлекать их в общественное производство, изменять характер отношений в семье, когда «даже при полном равноправии остается все та же фактическая придавленность женщины, потому что на нее сваливают все домашнее хозяйство». «Этот труд непроизводителен, тяжел, не включает ничего, что способствовало бы развитию женщины. Не привлекая женщин к общественной службе, к политической жизни, не вырывая женщин из их отупляющей домашней и кухонной обстановки, нельзя обеспечить настоящей свободы, нельзя строить даже демократии, не говоря уже о социализме».

То, что нет неполноценной женщины, как и неполноценного мужчины, говорит наука. Английский ученый А. Барнетт в книге «Род человеческий» замечает, что условия жизни накладывали отпечаток на поведение, образ мышления женщин. Веками они занимались домом, семьей, тогда как мужчина не имел подобного ограниченного круга занятий. И такое положение, по словам ученого, было принято считать вполне естественным. А отсюда и возникло распространенное убеждение, будто женщины не способны к традиционно мужской работе. Так, еще столетие назад не было женщин-врачей, и считалось само собой разумеющимся, что женщина не способна к этой работе. А теперь среди врачей больше половины – женщины.

Вопрос о равенстве или неравенстве мужчин и женщин стал вопросом политическим. Патриархатная политика ведет к дискриминации женщин практически во всех сферах жизнедеятельности общества, особенно там, где нужно кем-то управлять или чем-то распоряжаться. Создано определенное общественное мнение, сохранившееся и в современных условиях, которое мешает самореализации женщин, способствует формированию чувства второсортности, хотя официально в большинстве стран и провозглашено равенство. А равенство должно быть на основе равных возможностей для проявления личности.

Чтобы понять, какое место в жизни общества женщине приписывают сейчас, мы провели групповой анкетный опрос, широко применяемый в социологии. Респондентами стали 100 жителей города Красноярска (женщины и мужчины) разного возраста. Участников опроса спрашивали об их взглядах относительно гендерных ролей на работе и дома. Ответы позволили оценить, как тестируемые определяют место женщины в жизни общества: должна ли она добиваться всего своими силами, стоит ли вообще делать карьеру, и не лучше ли женщине «стоять у плиты» и заботиться о детях. Результаты опроса представлены на графике.

Полученные в ходе опроса данные позволяют сделать выводы, что в настоящее время роль женщины оценивается самостоятельная и независимая от мужчины, женщине следует добиваться всего самой. Но в то же время все обязанности, связанные с ведением хозяйства и которые традиционно считаются женскими, женщины должны продолжать выполнять. Опрос показал, что «женский вопрос» говорит о сложной, противоречивой и неоднозначной природе данной проблемы, что всегда влекло и повлечет за собой исследования философов.

Почву для развития «женского вопроса» всегда подготавливали философы и ведущие мыслители своей эпохи. Начиная с античности, где в связи с физическим превосходством мужчин и основываясь на этом, сложился взгляд на женщину как на «иррациональное, низшее существо», находящееся в подчинении мужчины. Общество развивается не только в науке, общественной мысли, но и в технической и технологической сферах, и это способствовало выходу женщин на рынок труда. Положение женщины в обществе в большей степени определяла эпоха: приоритетные направления общественного развития, сложившаяся система власти, религиозная направленность и т. д. Со временем жизнь общества усложнялась, что заставляло многих задуматься о явлении неравенства полов и ущемлении прав женщин, так как это не только отжившая, по сути, традиция, но и «тормоз» социального развития.

Библиографический список

1. Учение Платона о государстве и законах [Электронный ресурс] // сайт/<http://studentu-vuza.ru/>
2. Ясин Расулов. Женщина в истории человечества [Электронный ресурс] // сайт/<http://www.proza.ru/>
3. Учение Платона о государстве [Электронный ресурс] // <http://www.gumfak.ru/>
4. Е.М. Зуйкова, Р.И. Ерусланова. Феминология: учебное пособие [Текст] / М.: Маркетинг, 2001. – 248 с.

АНАЛИЗ ФОРМИРОВАНИЯ И РАЗВИТИЯ ТЕОРИЙ МАТЕРИНСТВА В ПСИХОЛОГИИ

О.Ф. Лысенко

Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева

Научный руководитель кандидат психологических наук, доцент

М.В. Сафонова

Тема материнства является универсальной, присутствующей в учениях всех исторических периодов. Материнство изучается в русле различных наук, каждая из которых определяет свой круг проблем по данной теме.

Е.В. Шамарина в диссертационном исследовании выявила динамику восприятия материнства начиная с Античности и до Новейшего времени. В целом можно сказать, что материнство рассматривалось лишь как одна из социальных функций женщин.

Г.Г. Филиппова так же отмечает, что в большинстве современных исследований по вопросам материнства сохраняется социологизаторская позиция. И лишь в наши дни начали исследовать иные грани проблем материнства. Автор выделяет несколько направлений в изучении данного вопроса: культурно-исторические аспекты материнства; биологические аспекты материнства; психологические аспекты материнства.

Анализ работ, изучающих культурно-исторические и биологические аспекты материнства, поможет нам выявить предпосылки возникновения интереса к теме материнства в психологии.

Культурные и исторические аспекты материнства проанализированы в диссертационном исследовании С. Радионовой. Работы М. Мид показали, что материнская забота и привязанность к ребенку глубоко заложены в биологических условиях зачатия и вынашивания, родов и кормления грудью, что только сложные социальные установки могут полностью подавить их.

Элизабет Бадинтер, напротив, пришла к выводу, что «материнский инстинкт – это миф». Материнская любовь – это понятие, которое наполняется в различные периоды истории различным содержанием.

Таким образом, материнство – это одна из социальных женских ролей, поэтому несущественно, заложена ли потребность быть матерью в женской природе, общественные нормы

и ценности конкретной эпохи и культуры оказывают определяющее влияние на проявления материнского отношения.

В исследованиях, изучающих *биологические аспекты материнства*, мать и обеспечиваемые ею условия рассматриваются как организация физиологической и стимульной среды для развития ребенка. Большое значение придается эволюционным аспектам формирования физиологических, мотивационных и поведенческих механизмов материнства.

В этологических исследованиях материнство рассматривается с позиций оценки количества ресурсных затрат родительской особи (Д. Дьюсбери, Е.Н. Панов и др.), выявления эволюционных основ формирования паттернов родительского поведения (К. Лоренц, Н. Тинберген, Р. Хайнд и др.), взаимного обеспечения родителями и детенышами ключевой стимуляции для реализации адаптивного поведения.

Исследование физиологических и психофизиологических аспектов материнства в основном направлены на изучение нейрогуморальных механизмов полового созревания и обеспечения беременности и лактации. Для данного направления традиционным является сопоставление данных, полученных на животных и человеке. Изучается связь гормонального фона и эмоциональных состояний, их роль в развитии материнства (К. Остин, К. Флейк-Хобсон, Р.М. Shereshefsky), обеспечении эмоциональных особенностей материнско-детских отношений (А.С. Батуев, И. В. Добряков, Р.М. Shereshefsky and L.J Yarrow).

При анализе этих исследований становится ясно, что материнское поведение гормонально обусловлено, но реализуется (или нет) в зависимости от индивидуальных особенностей самки (женщины), условий взаимодействия с детенышем (ребенком) и жизненной ситуации.

Вышеуказанные подходы объединяет то, что материнство рассматривается односторонне, лишь как одна из социальных функций женщины, и только в контексте материнско-детского взаимодействия. Но не затрагивается изучение материнства как личностного феномена: влияние материнства на личность самой матери и, наоборот, влияние индивидуально-психологических особенностей женщины на ее материнскую роль; развитие и становление личности ребенка в контексте взаимодействия с матерью; психологическая готовность к материнству.

Мы видим, что оставалось довольно много неизученных вопросов по проблеме материнства. Бурное развитие психологии и формирование психологических направлений начала XX в. было сопряжено с новым этапом в развитии материнства. Согласно исследованиям Л. де Моза, на этом этапе своего развития общество (западное и европейское) начинает кардинально иначе относиться к детям. Преобладающим становится социализирующий стиль воспитания ребенка. В связи с этим в вопросе воспитания появляется такой аспект, как необходимость учитывать возрастные и индивидуальные особенности детей. А в наши дни начинает зарождаться поддерживающий стиль воспитания. И теперь задача общества заключается не в адаптации ребенка к социуму, а в помощи ему в становлении его индивидуальности и принятии его неповторимой личности.

Итак, вышеперечисленные факторы дали толчок для начала активного изучения материнства в психологии. Интерес к этой теме первоначально возник в русле двух направлений: при изучении роли матери в образовании ранних личностных структур (психоанализ и другие направления психологии личности: З. Фрейд, К. Хорни, Э. Эриксон, Дж. Боулби и др.); и в практических исследованиях, связанных с нарушением психического развития ребенка (задержки и нарушения психического развития, детская психиатрия, социальная дезадаптация, психологические проблемы детей и подростков: А. Фрейд, М. Кляйн, Д. Винникотт, М. Маллер и др.). В отечественной психологии в рамках второго направления изучалось материнское отношение, материнская (родительская) позиция, детско-родительское взаимодействие (В.И. Гарбузов, Э.Г. Эйдемиллер, А.С. Спиваковская, А.Я. Варга, А.Д. Кошелева, И.Ю. Ильина и др.).

С.А. Минюрова и Е.А. Тетерлева при анализе психологических работ выделили два основных направления изучения материнства. Все исследования вплоть до конца XX в. рассматривают материнство как обеспечение условий для развития ребенка. А мать как объект – носитель родительских функций, лишённый субъективной психологической реальности. И лишь в последние десятилетия материнство стало изучаться как часть личностной сферы женщины. В данных исследованиях акцент делается на идее субъектности матери и ребенка (Г.Г. Филиппова, W.B. Miller и др.).

На наш взгляд, в последние годы формируется третье направление в изучении материнства. Появился интерес к комплексному, междисциплинарному изучению материнства. Что подтверждается появлением коллективных монографий: «The Different Faces of Motherhood» под ред. В. Birns и D.F. Hay, «Psychological Aspects of a First Pregnancy and Early Postnatal Adaptation» под ред. P.M. Shereshevsky и L.J. Yarrow. В отечественной психологии это исследования О.В. Баженова и Л.Л. Баз, Г.В. Скобло и О.Ю. Дубовик.

Мы считаем, что появление новых направлений изучения материнства связано с накоплением довольно обширного теоретического и экспериментального материала по проблеме. Но нет ответа на вопросы, появившиеся в наши дни в рамках указанной проблематики. Все более острой становится демографическая ситуация. Все большее число женщин главенствующую роль в своей жизни отводят самореализации в профессиональной деятельности. А рождение детей и реализация себя как матери уходит на второй план. И это не смотря на экономическое стимулирование к рождению детей, активную пропаганду и социальное одобрение образа женщины как матери и жены.

Самостоятельным направлением можно считать перинатальную психологию, занимающуюся проблемами беременности, родов, послеродового периода в психологическом и физиологическом аспекте. Актуальность этих аспектов материнства обусловлена социальным запросом и бурным развитием такой отрасли психологической практики, как психологическая помощь матери и ребенку.

Более подробную классификацию теорий материнства в психологии представила Г.Г. Филиппова. В рамках первого подхода, где материнство рассматривается в контексте материнско-детского взаимодействия, существует много направлений, которые можно объединить следующим образом.

1. Феноменологическое. Выделяются и подробно описываются функции матери (Н.Н. Авдеева, С.Ю. Мещерякова и др.), особенности ее поведения, переживаний, установок, ожиданий и т.п. (З. Фрейд, К. Хорни, Э. Эриксон, Дж. Боулби, D.N. Stem и др.). Популярным является выделение типов и стилей материнского поведения, отношения, позиции (Д. Винникотт, М. Кляйн и др.). В этих исследованиях наиболее ярко проявляется ориентация на возрастные особенности ребенка.

2. Психолого-педагогическое направление. Рассматриваются психолого-педагогические и физиологические аспекты проблем беременности, родов и послеродового периода. В этих исследованиях используется семейно-ориентированная психотерапия в период ожидания ребенка (ориентация на «сознательное родительство»). Но достаточно развернутых исследований влияния на развитие ребенка разнообразных практик подготовки к родам практически нет. В этой связи Р.К. Махмутова пишет об исследовании Л.Ф. Обуховой и О.А. Шаграевой, которое демонстрирует отнюдь не радужные результаты. На наш взгляд это в некоторой степени связано с тем, что такие формы психологической помощи ориентируются на роды как основную и часто конечную цель. А первые серьезные трудности (которые отражаются на ребенке) возникают у женщины, как матери и как личности, чаще всего после родов.

3. Психотерапевтическое направление. В его рамках изучаются особенности матери и родителей, которые рассматриваются как источник нарушения психического развития ребенка. В плане анализа влияния особенностей матери на психическое развитие ребенка и формирование у него разнообразных отклонений этого развития предлагается типология материнского отношения и шире – типология матерей.

Второе направление исследований в области материнства акцентирует внимание на материнстве как части личностной сферы женщины. В рамках этого направления можно выделить следующие аспекты.

1. Материнство как стадия половозрастной и личностной идентификации анализируется с точки зрения личностного развития женщины, психологических и физиологических особенностей разных периодов репродуктивного цикла (в отличие от других периодов жизни) и т.п. Все исследования подтверждают, что одной из наиболее важных фаз считается беременность. В ходе этого периода жизни женщины существенно перестраивается ее сознание и взаимоотношения с миром (Г.Г. Филиппова, Ю.И. Шмурак и др.).

2. Девиантное материнство. Сюда включаются проблемы, связанные не только с матерями, отказывающимися от своих детей и проявляющими по отношению к ним открытое пренебрежение и насилие, но и проблемы нарушения материнско-детских отношений, которые служат причинами снижения эмоционального благополучия ребенка и отклонений в его оптимальном психическом развитии в младенческом, раннем и дошкольном возрастах (В.И. Брутман, М.С. Радионова, А.Я. Варга, D. Pines и др.).

3. Онтогенетические аспекты формирования материнства. Считается, что особенности материнского отношения определяются не только культурным и социальным статусом женщины, но и ее собственной психической историей до и после рождения. Выделяются разные этапы развития и становления женщины как матери. При этом многие исследователи отводят главную роль в становлении психологической готовности к материнству отношению девочки со своими матерью и отцом, и периоду беременности и после рождения ребенка (С.Ю. Мещерякова, Г.Г. Филиппова и др.).

Представленный краткий обзор исследований в области психологии материнства позволяет заключить, что изучение материнства первоначально проводилось в контексте изучения роли матери в развитии ребенка. Позднее появляются направления, которые акцентируют внимание на материнстве как части личностной сферы женщины. В последние годы появился интерес к комплексному, междисциплинарному изучению материнства. Так же в современных исследованиях выделилось и активно развивается новое направление – перинатальная психология.

Библиографический список:

1. ДеМоз Л. Психоистория. Ростов-на-Дону: Феникс, 2000.
2. Минюрова С.А., Тетерлева Е.А. Диалогический подход к анализу смыслового переживания материнства // Вопросы психологии. 2003. – №4. – С. 63 – 75.
3. Радионова М.С. Динамика переживания женщиной кризиса отказа от ребенка. Дисс. канд. психол. наук, М., 1997.
4. Филиппова Г.Г. Психология материнства: Учебное пособие. – М.: Изд-во Института Психотерапии, 2002. – 240 с.
5. Шамарина Е.В. Культурный смысл материнства в западноевропейской и отечественной философской мысли: диссертация кандидата философских наук – Барнаул, 2008.

К ВОПРОСУ О ЦЕЛЕСООБРАЗНОСТИ СМЕРТНОЙ КАЗНИ

М.А. Соколов

Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева

Научный руководитель доктор философских наук, профессор

В.В. Минеев

Рассмотрим некоторые аргументы за и против смертной казни. В процессе развития философии и социологии и внедрения выводов этих наук в социальную практику отношение к смертной казни складывалось далеко не однозначное. Неоднозначность отношения к смертной казни выражается в существовании большого количества аргументов «за» и «против». Соответственно, можно говорить о двух главных «лагерях» – ретенционистах и аболиционистах. Между лагерями четко проведена граница, но вот систематизировать аргументы, вписать их в какую-то одну парадигму не просто. Как следствие, продолжается бесконечный спор по поводу необходимости (допустимости) смертной казни «в цивилизованном обществе».

Как правило, упоминаются три основных парадигмы: ретрибутивистская, инструментальная, утилитаристская.

1) Ретрибутивистская парадигма предполагает рассмотрение смертной казни в качестве акта наказания, мщения за преступление. Это следует из самого понятия ретрибутивизм. Наказание обусловлено, так сказать, заслужено правонарушителем самим актом совершения преступления. Данная парадигма включает в себя, по меньшей мере, три концепции.

«Смертная казнь – это месть (общества, государства, социальной группы, класса)»[1].

По сути это теоретический анахронизм, но он активно используется и противниками, и циничными сторонниками казни [1]. Сторонники трактуют аргумент согласно принципу талиона «око за око», а точнее, кровной мести; противники же утверждают, что общество (государство), казня преступника, никак не может мстить по той простой причине, что преступник сам является частью общества.

«Смертная казнь – возмездие» [1]. Довольно простая и для многих привлекательная идея воздаяния. Смысл идеи в том, что совершение преступления ведет к наказанию, реализуемому государством [1]. В отличие от мести, государство актом смертной казни участвует в поддержании социальной справедливости [1]. Возмездие предполагает соизмеримость с деяниями преступника [1]. Но в случае возмездия смертная казнь становится противоречивой. С одной стороны, категорический императив нравственного воздаяния (основывается на свободе воли преступника на момент преступления); с другой, посягательство государства на жизнь преступника, который в свою очередь сам является продуктом общества и деятельности государства [1]. То есть государство не может выступать в качестве палача, так как преступник выводится на эшафот после нарушения законов государства. Государство выступает в нескольких ролях (судьи и палача), возникает конфликт ролей, и сама идея воздаяния теряет смысл и становится мстью.

«Смертная казнь – кара» [1]. Концепция нашла отражение в законодательствах многих стран. Она характерна больше для представителей права и юриспруденции, но популярна и среди широких слоев общества. Смысл концепции содержится в понятии кары: целеобусловленное причинение страдания преступнику путем праволишений или правоограничений. Такое понятие кары справедливо для любого уголовного наказания, но смертная казнь является исключением. Причиной тому является то, что лишение жизни не является ни ограничением в правах (то же право на жизнь), ни воздействием на субъект, ни причинением ему страданий.

2) Инструментальная парадигма сводится к пониманию смертной казни как инструмента, средства для решения различных задач, стоящих перед государством в области уголовной политики [1]. В ней так же присутствуют несколько концепций.

Элиминация [1]. Преступник рассматривается как опасное заболевание, носитель зла, и от него необходимо избавиться, а смертная казнь – «лекарство». Яркий пример элиминации – смертная казнь серийных убийц.

Мера социальной защиты [1]. Преступник является просто преступником, отношение к нему нейтральное. Смертная казнь рассматривается как превентивная мера против дальнейших преступлений и появления новых преступников, то есть её можно назвать мерой запугивающей, назидательной и в то же время воспитательной со стороны общества по отношению к своим членам, возможно намеревающимся преступить закон.

Мера обеспечения крупных реформ [1]. В этой концепции казнь рассматривается как чрезвычайная мера по поддержанию порядка в чрезвычайных ситуациях. Согласно духу этой концепции, казнь в мирное время использоваться не должна. Пример государства, где принцип закреплён законодательно, – Казахстан.

3) В рамках утилитаристской парадигмы моральная ценность поступка определяется его полезностью. Сама парадигма появилась тогда, когда люди пришли к договору с государством и делегировали ему часть своих прав по обоюдному согласию, и государство стало взаимно ответственным перед ними (защита жизни, собственности, благосостояния). Теперь наказание применяется для того, чтобы гарантировать продолжительное спокойное существование и удержать людей от совершения преступления. Утилитаристская парадигма также включает множество вариаций.

Скалярный консеквенциализм – теория, в которой из всех возможных действий только одно признаётся правильным, а от остальных необходимо отказаться [2]. Но проблема этой концепции в том, что в случае казни общество, по сути, совершает убийство, что не есть хорошо, и это действие, исходя из общего духа парадигмы, не может считаться правильным. Не совершая казнь, общество может оставить жизнь человеку, который в дальнейшем может свершить преступление, как это ни парадоксально, не может считаться полезным для общества.

Вероятностный консеквенциализм несколько сложнее: вывод о том, нравственно наше действие или нет, зависит от того, какие последствия мы ожидали, а не исходит из фактических ре-

зультатов [2]. Здесь проблема в том, что мы можем получить рост преступности в обоих случаях (казнить, помиловать). Например, в первом – лишить родителя детей (один, двое), что возможно утянет их в криминальную среду. Во втором может сработать принцип талиона «око за око», то есть кровная месть.

Разумный консеквенциализм: наше действие правильно, если мы сознательно рассчитываем только на эти и только на лучшие результаты [2]. Но и здесь есть проблемы. Ожидания не всегда совпадают с результатами, рецидив в случае помилования, увеличение количества преступлений в случае казни (иногда это обуславливается местью обществу со стороны близких казненно-го). Двойной консеквенциализм: объективно правильное действие – действие с лучшими последствиями; нравственно правильное действие – любое действие с лучшими разумно ожидаемыми последствиями [2]. Относительно первого можно сказать то же, что и относительно скалярного консеквенциализма, а по поводу нравственно правильного действия – то же, что и по поводу разумного консеквенциализма.

Обсуждается большое количество аргументов и контраргументов. Например, казнить выгоднее, чем содержать пожизненно. Контраргумент: заключенные могут работать и приносить выгоду. Звучит цинично, но такие аргументы существуют и не лишены смысла в совокупности с остальными. Также возможность осознать вину во время заключения и лишенность этой возможности в случае казни. Сюда же можно добавить возможность судебной ошибки, причем уже без возможности что-либо исправить. Также большое количество преступников совершают преступления по типу похода в магазин, где прайс-листом является уголовный кодекс, и когда преступник набирает преступлений на пожизненное заключение, он не имеет дальнейших причин себя ограничивать. Вот еще один аргумент и контраргумент – снижение качества следствия при наличии казни, то есть полицейские не будут видеть смысл в расследовании сложного дела, а по сути, поведут на плаху первого попавшегося (отсюда же частично и вытекает судебная ошибка), а казнь не даст эту ошибку выявить. Как контраргумент выступает увеличение уровня законопослушности параллельно с ухудшением качества следствия, так как мало у кого будет желание за малейшую провинность быть поставленным к стенке.

Также очень серьезно стоит вопрос: «Где та граница, после которой пора казнить?». Например, в Китайской Народной Республике очень большой перечень преступлений, караемых смертной казнью через расстрел. Из них помимо тяжких насильственных преступлений, терроризма казнью караются коррупция, производство и распространение фальсифицированных медицинских препаратов и много других преступлений. В то время в Российской Федерации, в соответствии со статьёй №59 уголовного кодекса РФ, смертной казнью караются только тяжкие насильственные преступления. При этом казнь не применяется к женщинам, несовершеннолетним и выданным нашему государству другим государством лицу в целях уголовного преследования. Самое главное – это то, что на казнь введен мораторий, то есть временный запрет (отсрочка, воздержание), и смертный приговор заменяется пожизненным заключением. В это же время в Европе смертная казнь отменена почти везде, а в некоторых странах нет и пожизненного заключения, например, Норвегия с максимальным сроком заключения в 25 лет. Единственная страна Европы, где казнь не отменена – это Республика Беларусь. Там к казни приговариваются лица, совершившие тяжкие насильственные преступления и террористические акты. Но нужно учесть, что наказание назначается судом исходя из законодательства государства, в котором даны только, скажем так, «основные принципы судопроизводства», а сам вид наказания, его срок или даже казнь назначаются именно судом. То есть вынесение наказания субъективно, что в случае смертной казни не означает ничего хорошего, ведь здесь необходима максимальная объективность.

Сравнение аргументов и контраргументов, связанных со всеми перечисленными парадигмами, позволяет прийти к следующим выводам. Во-первых, некоторые люди, приговоренные к пожизненному заключению, склонны к рецидиву даже в тюрьме (например, Педро Алонсо Лопес), попыткам побега и так далее. Контраргументом является продолжительность и качество жизни пожизненно заключенных (по крайней мере, в России). Об этом, во-первых, свидетельствует почти постоянное количество пожизненно заключенных, хотя их количество, по логике, должно увеличиваться. Количество это на 2004 год составляло 1545 человек, а на 2009 год 1509 чело-

век, в 2013 году 1844 человека. В их число входят как приговоренные непосредственно к пожизненному заключению, так и те, кому казнь заменили данным видом наказания. Объясняется все это тем, как содержатся заключенные и что они при этом переживают. Это очень хорошо описано в статье в Российской газете [3]: «В камерах тюрем царит стерильная чистота: за малейшую складку на постели или пылинку арестантов наказывают. Ложиться или даже присаживаться на кровать в течение дня запрещено. Тишина в коридорах такая, что в склепах, кажется, громче. Через несколько лет, все пожизненно осужденные становятся чем-то похожи друг на друга: бледные лица, безжизненные глаза, запуганная осанка. По словам тюремных психологов, первый год пожизненного заключения человек привыкает к новым условиям. Потом еще года три идет период стабилизации, в это время заключенный похож на робота. Он выполняет команды, не задумываясь. Далее – два пути. Если человек адаптируется, он сможет и дальше оставаться роботом. Если нет, наступает третья стадия – быстрое угасание. И умственное, и физическое». Средний срок, который проживает арестант – пять-семь лет. О том же мной было прочитано в еще одной газете: были приведены почти такие же сроки, хотя для одной из колоний назывались сроки в 3 года, и описаны подобные состояния. Самое главное, что еще стоит добавить, – такой заключенный сможет выйти из колонии только через 25 лет. А в свете таких сроков: заключения, условно-досрочного освобождения, в России еще не один заключенный, приговоренный к пожизненному заключению, не выходил на свободу. Также сюда можно добавить другие аргументы: пожизненно заключенные работают во время отбывания срока, сохраняется возможность исправления судебной ошибки и так далее. Таким образом, можно считать оптимальным в качестве высшей меры наказания использовать именно пожизненное заключение. Оно вполне может выступать и в качестве сдерживающего средства, и в качестве формы наказания. А область применения смертной казни относится, прежде всего, к условиям военного времени, возможно, также к преступникам, которые остаются опасными для общества, даже находясь в тюрьме.

Библиографический список

1. Инструментальная и ретрибутивистская парадигмы смертной казни: <http://deathpenalty.narod.ru/>
2. Социально-философский анализ наказания: ретрибутивизм и консеквенциализм: <http://dis.podelise.ru/text/index-24499.html?page=6>
3. Российская газета – Расстрельная статья: <http://www.rg.ru/2010/05/14/pozhizn-srok.html>

ЛИТЕРАТУРНОЕ РАЗВИТИЕ И ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛИЗАЦИИ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

В.Я. Фишер

Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева

Научный руководитель доктор педагогических наук, профессор

С.Н. Ценюга

Одной из актуальных проблем, которая стоит перед современным обществом, это отказ подрастающего поколения читать.

А между тем, художественные произведения, являясь готовым культурным материалом, помогают детям открывать и объяснять жизнь общества и природы, постигать мир человеческих взаимоотношений, осознавать множество ценностей, существующих в мире, способствуют их развитию и образованию [5], в том числе и литературному. Это развитие можно определить как процесс и результат качественных изменений в восприятии, интерпретации художественных текстов и способности к отражению литературного опыта в разных видах художественной деятельности.

Воспринимаемые на слух разнообразны тексты постепенно усложняются по структуре, содержанию, жанровым особенностям. Вначале побуждаемые взрослым, затем самостоятельно дети уже могут предугадывать события и их последствия, исходя уже из накопленного опыта.

По утверждению В.А. Левина литературное развитие одно из необходимых условий становления человека современной культуры, самостоятельно строящего свою жизнь и отвечающего

за свои поступки перед людьми и совестью [2]. Т. е. процесс литературного развития носит социальный характер.

Сегодня ученые говорят о том, что разрушается ценность чтения. Неумение читать, непонимание смысла текста затрудняют обмен информацией, влияют на качество образования, делают человека уязвимым в общении, в аргументации сказанного, не позволяют создать напряженную по духу, плотную по содержанию социокультурную среду [3]. Выход из данной ситуации является приоритетным на сегодняшний день.

Исходя из этого, целью настоящей статьи является рассмотреть, как литературное развитие влияет на механизмы социализации подрастающего поколения.

Вместе с тем нужно понимать, что чтение не является в чистом виде передачей сведений от одного субъекта другому. В процессе восприятия печатной информации происходит активизация мыслительных способностей читателя, «возбуждение в голове индивида того, что имеется в ней благодаря личному жизненному опыту». Именно в этом заключается социальность чтения. Речь идет не о простом непосредственном восприятии человеком отдельных объектов, явлений окружающего мира и пополнении индивидуального жизненного опыта. В ситуации чтения, в его процессе индивид приобщается к коллективному опыту человечества или его отдельных групп, т. е., осуществляется своего рода социальная деятельность [1].

Хотелось бы остановиться на проблемах, которые затрудняют процесс социализации в современном обществе.

Среди них можно выделить следующие:

Социально-культурные проблемы (приобщения личности к определенному уровню культуры, к той или иной совокупности знаний, умений и навыков);

Естественно-культурные проблемы (достижением человеком определенного уровня физического и сексуального развития);

Социально-психологические (отсутствие каких-либо внутренних ограничителей и норм; проблемы связаны со становлением самосознания молодых людей, их самоопределением, самоактуализацией, самоутверждением и саморазвитием). И многие другие проблемы.

Каковы же механизмы социализации посредством литературного развития.

Под влиянием агентов социализации (которыми обычно являются родители и учителя) у ребенка формируются интеллектуальные, социальные и физические навыки и умения, необходимые для успешного выполнения своих социальных ролей. По мнению классика западной социологии американского социолога Н. Смелзера социализация не является односторонним процессом, – не только общество влияет на индивида, но и индивиды сами приспосабливаются к требованиям общества, ищут с ним компромисс. [4]. Данное высказывание справедливо и в отношении литературного развития.

Н. Смелзер, отмечает, что дети в значительной мере усваивают роли и правила поведения в обществе от таких вторичных агентов социализации как средства массовой информации (из телевизионных передач, газет, фильмов и др.). С уверенностью можно сказать, что детская литература, также оказывает глубокое воздействие на процесс социализации, способствуя формированию определенных ценностей и образцов поведения.

Н. Смелзер выделяет психологические механизмы социализации по критерию позитивности, работающие, с нашей точки зрения, также и в процессе литературного развития. К позитивным механизмам социализации, формирующим желательные качества социального субъекта, относятся: имитация – осознание стремления ребенка копировать определенную модель поведения; идентификация – способ усвоения детьми в первую очередь родительского поведения, а также других значимых взрослых, их установок и ценностей как своих собственных [7].

В свою очередь А.В. Мудрик, занимаясь, исследованием процесса социализации подрастающего поколения, выделяет иные механизмы социализации.

Социализация ребенка посредством чтения во взаимодействии с различными факторами и агентами происходит с помощью ряда «механизмов», которые можно разделить на «социально-психологические механизмы» и «социально – педагогические механизмы».

К социально-психологическим механизмам социализации посредством чтения можно отнести следующие:

Импринтинг (запечатление) – фиксирование человеком на рецепторном и подсознательном уровнях особенностей воздействующих на него жизненно важных объектов (что характерно для детского возраста от нескольких месяцев до 1-2 лет). Чтение ребенку книг родителями в этом возрасте способствует запечатлению в его памяти образов, увиденных на страницах книг, а также запоминанию ощущений при соприкосновении с фактурами различных материалов (бумажного текста книги, картинок из картона и др. элементов, «встроенных» в современные книжки для самых маленьких) и т. п.

Экзистенциальный нажим – овладение языком и неосознаваемое усвоение норм социального поведения, обязательных в процессе взаимодействия со значимыми лицами. Этот процесс происходит в возрасте 2-4 лет, когда ребенок уже может повторять прочитанный родителями текст (особенно детские стихи).

Подражание – следование какому-либо примеру, образцу. В данном случае это – один из путей произвольного или непроизвольного усвоения человеком социального опыта. В детском возрасте появление кумира, это достаточно распространенное явление. Ребенок пытается копировать поведение героев – персонажей любимых сказок и других произведений. Это может осуществляться в театрализованной деятельности.

Идентификация – процесс неосознаваемого отождествления человеком себя с другим человеком, группой, образцом. Дети в соответствии с возрастными и индивидуальными особенностями склонны идентифицировать себя с теми или иными героями, воспринимая при этом собственные им образцы поведения, стиль жизни и т. д.

Рефлексия – внутренний диалог, в котором ребенок делает попытки рассмотреть, оценить, принять или отвергнуть те или иные ценности, нормы, образцы поведения, описанные на страницах книг. Рефлексия может представлять собой внутренний диалог нескольких видов: между различными «Я человека» или, например, с реальными или вымышленными лицами (героями или персонажами книг). С помощью рефлексии ребенок может формироваться и изменяться в результате осознания и переживания им той реальности, в которой он живет, своего места в этой реальности и себя самого, характерно для подросткового возраста (от 10 до 15 лет).

К социально-педагогическим механизмам социализации посредством чтения можно отнести следующие:

Традиционный механизм социализации в семье – усвоение человеком норм, эталонов поведения, взглядов, стереотипов, которые заложены в текстах книг, в иллюстрациях. Этот процесс происходит, как правило, на неосознанном уровне с помощью запечатления, некритического восприятия господствующих стереотипов, правил, предпочтений в выборе книг, оценки значимости чтения, наличия и состава домашней библиотеки и пр.

Институциональный механизм функционирует в процессе взаимодействия человека с различными организациями (социальными институтами), как специально созданными для его воспитания (семья), образования, социализации (школа), так и реализующими функции социализации посредством чтения параллельно с основными функциями (библиотеки, кружки, а также СМИ). В ходе обращения человека к различными институтами и организациями, связанными с книгами, чтением, происходит постепенное накопление им соответствующих знаний и опыта, освоение им образцов социально одобряемого поведения, а также конфликтного или бесконфликтного способов выполнения социальных норм. Средства массовой коммуникации, как социальный институт (книги и периодические издания, радио, телевидение, мультимедиа, Интернет и др.) оказывают влияние на социализацию личности не только с помощью трансляции определенной информации, но и через представление определенных образцов поведения героев книг, кинофильмов, телепередач и т.п.

Межличностный механизм социализации функционирует в процессе взаимодействия ребенка с субъективно значимыми для него лицами, мнения которых для него важны. В его основе лежит психологический механизм межличностного переноса благодаря процессам эмпатии,

идентификации и т. д. В случае с литературным развитием значимыми лицами могут быть родители, другие родственники, учитель, библиотекарь, а также друг – сверстник своего или противоположного пола (в более старшем возрасте). Естественно, что значимые лица могут быть членами тех или иных организаций и групп, с которыми ребенок взаимодействует.

Субкультурный механизм социализации посредством чтения действует в рамках определенной возрастной или иной субкультуры. Он оказывает действие в подростковом возрасте и может накладываться и усиливать либо ослаблять действие перечисленных выше механизмов. Под субкультурой в общем виде понимается комплекс социальных норм и поведенческих проявлений, типичных для людей определенного возраста или культурного слоя, который создает определенный стиль жизни и мышления той или иной возрастной или социальной группы. Субкультура влияет на социализацию ребенка через ее носителей (это могут быть сверстники, одноклассники и др.), т. е. лица, мнение которых для него особенно значимо (референтная группа). При этом они могут восприниматься как авторитетные личности, например, в вопросах чтения [6].

Таким образом, литературно развиваясь, ребенок проходит все этапы социализации, включается во все процессы приобщения к культуре, коммуникации и образования. Приобщение к книге является важным этапом в жизни индивида детского и подросткового возраста и во многом определяет развитие личности и последующее участие в общественной жизни.

Библиографический список

1. Аникина М.Е. Чтение как фактор социализации молодежной аудитории [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://uchebnikfree.com/uchebniki-jumalistika/chtenie-kak-faktor-sotsializatsii-molodjnoj-5016.html> (дата обращения: 19.04.14);
2. Гогоберидзе О.В. Дошкольная педагогика с основами методик воспитания и обучения: учеб. для вузов. Стандарт третьего поколения. – СПб.: Питер., 2013.- 464 с.;
3. Гриценко З.А. Читательское развитие ребенка дошкольного возраста // Дошкольное воспитание. – 2010. – № 8 с. 19-27.;
4. Колосова Е. А. Практики детского чтения: результаты комплексного исследования Москва, 2011 г.;
5. Кухар М.А. Литературное образование детей: практикум для студентов факультете педагогики и психологии детства, обучающихся по направлению 050400.62 Психолого-педагогическое образование (квалификация «бакалавр»); Красноярск. гос. пед. ун-т им. В.П. Астафьева.- Красноярск, 2012.- 116 с.;
6. Мудрик А.В. Социализация человека. – Москва: Академия, 2006. – 304 с.);
7. Смелзер Н. Социология: пер. с англ. – Москва: Феникс, 1994. – С. 109.

ОБУЧАЮЩИЕ ТЕХНОЛОГИИ ЭТИКИ ЛИДЕРСТВА

О.С. Ардюкова

Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева

Научный руководитель доктор философских наук, профессор

Е.Н. Викторук

Сегодня понятие «лидерство» характеризуется принадлежностью ко многим отраслям знаний и рассматривается как самостоятельная единица в исторических, политических и юридических науках, с точки зрения биологических и эволюционных аспектов, а также в управлении, экономике, социологии, философии и религии. Более того, «лидерство» является самостоятельной бизнес-индустрией. Так, крупнейший в России книжный интернет-магазин «Ozon» предлагает 4 142 товара в категории «Лидерство». А колоссальное количество программ в тренинговых и консалтинговых центрах не поддается объективным подсчетам.

Тема лидерства актуализируется сегодня запросом общества и изменяющейся экономики на специалиста «нового типа». Лидерство называется в перечне ведущих профессионально важных качеств и необходимых компетенций выпускника в образовательных программах нового поколения.

В разные периоды времени многие ученые уделяли большое внимание феномену лидерства (Р. Стогдилл, Д. МакКлелланд, У. Беннис и Б. Нанус, Б. Басе, К. Бланшар, Г. Граен, Р. Лайкерт, Р.

Танненбаум, Ф. Фидлер, Дж. Хаит, П. Херсей, В. Шмидт, З.Фрейд, Дж. Рост, Дж. Максвелл, М. Ван Вюгт, А. Ахуджа, Ю.П. Адлер, К. Гринт и П. Коэстенбаум, К.Калашников, Мирзоян В.А., А. Дианина-Хавард и др.). Несмотря на многочисленные исследования, вопросы лидерства продолжают вызывать интерес у представителей научного сообщества. Такое внимание обусловлено ужесточением конкуренции, смещением акцентов конкурентной борьбы с технологических аспектов на эффективность и компетентностные характеристики лидера.

Сегодня в условиях реформирования и гармонизации системы высшего профессионального образования на первый план выходит компетентностный подход, который призван обеспечить экономику страны конкурентоспособными кадрами, так как направлен на развитие у будущих специалистов комплекса профессиональных компетенций, являющихся «фундаментом» в построении социальной карьеры. Необходимо отметить, что «в отличие от термина «квалификация», компетенции включают помимо сугубо профессиональных знаний и умений, характеризующих квалификацию, такие качества, как инициатива, сотрудничество, способность к работе в группе, коммуникативные способности, умение учиться, оценивать, логически мыслить, отбирать и использовать информацию» [Терехина А.В., с.13].

По мнению авторов статьи «Ценности инновационной деятельности для студентов, экспертов и предпринимателей Красноярска: желаемый идеал, надежды и реальность» Е.Н. Викторук и Ю.Н. Москвича, именно качества и компетенции эффективных лидеров привели в последние десятилетия к успешному развитию достаточно большое число стран (Сингапур, Япония, республика Корея) и являются для них не только теоретически важными, но и реально действующими факторами успеха.

Необходимо отметить, что важнейшим ресурсом для построения социальной карьеры, который интегрирует выпускника современного вуза в профессиональное сообщество, выступают профессионально-этические компетенции, направленные на решение этических дилемм, возникающих в ходе профессиональной деятельности. Применительно к этическому образованию это отражается в расширении содержания предметной сферы этики, а также в изменении методологического и методико-дидактического обеспечения курсов прикладной этики. Новые этико-образовательные технологии в практико-ориентированных этических курсах развиваются в направлении исследовательского, инновационного обучения, в рамках которого учебный процесс проходит как поиск познавательного-прикладных, практических сведений (новых инструментальных знаний о способах профессиональной деятельности).

Изучение особенностей и перспектив развития этического образования ведется нами в рамках научно-образовательного проекта «Лаборатория прикладной и практической этики». Необходимо отметить, что эксперимент по «радикализации» очевидной этической прагматики в изучении вопросов этики науки мы ведем с 2006 года. Понимание мировоззренческой и практической значимости учебных материалов побудило к поиску форм этико-практического знания, дающих ощутимый этико-воспитательный результат, и позиционирующих этическое знание как современное, динамично развивающееся, соответствующее современным образовательным технологиям. С этой целью материал лекции, где рассматриваются теоретико-методологические вопросы на стыке «общая этика/ этика науки», плавно переводится в формат семинара-практикума. Семинары-практикумы направлены на формирование профессионально-этических компетенций и обучение навыкам решения этических дилемм, возникающих в ходе профессиональной деятельности (Stakeholder Analysis, Дж. Фрицше), а также позволяют формировать навыки самопрезентации, общения, корректного выражения эмоций и понимания их выражения у окружающих (практико-ориентированная методика «Значки», М. Доэл, С. Шадлоу).

Итак, одной из методик решения этически проблемных ситуаций, известной благодаря учебнику Д.Фрицше «Этика бизнеса: глобальная и управленческая перспектива», является Stakeholder Analysis (анализ заинтересованных сторон). Методика предполагает следующие шаги: 1) перечисление заинтересованных сторон с учетом «выигрывающих» и «проигрывающих», выявление разновидностей ущерба и выгод для каждой стороны; 2) «этико-моральная диагностика», выявление характера этических нарушений (обман, воровство, несправедливая дис-

криминация, принуждение и др.); 3) определение круга и уровня нарушенных этических норм (гипернормы, нормы макро- и/ или микросоциальный контракт); 4) выявление аспектов, сопряженных с этическим (экономический, социальный, политический, технологический), и определение наиболее весомых в свете выявленных стейкхолдеров; 5) измерение остроты этического аспекта по шести критериям (масштаб последствий, общественный консенсус, вероятность наступления последствий, временной разрыв, близость, концентрация эффекта); 6) принятие решения, в соответствии с двустадийной моделью поддержки этических управленческих решений.

Нами установлено, что метод моральной аргументации, разработанный для этики бизнеса, эффективен и других сферах, где управленческие решения имеют сильный этико-моральный контекст. Очевидно, что алгоритм стейкхолдеранализа может успешно применяться в политической этике, в этике науки. С 2006 г. мы проводим семинар-практикум для аспирантов «Этика и аксиология науки». Этот этико-дидактический эксперимент прошел ряд этапов. 1) 2006-2007 – определение применимости стейкхолдеранализа к решению этических дилемм в сфере науки; 2) 2008-2009 – использование стейкхолдеранализа в этико-деловой игре и ситуационном анализе; 3) 2010-2013 – обучение самостоятельному поиску проблемных ситуаций в сфере науки и формированию кейсов; обучение «тренеров» и разработка механизмов контроля качества освоения стейкхолдеранализа. Анкетные опросы и дебрифинги по итогам курса подтверждают высокую востребованность освоения новой моральной аргументации в обществе позднего модерна с принципиально иными ценностями пострациональной морали.

Практико-ориентированная методика «Значки», главным образом, направлена на формирование профессионально-этических компетенций. Согласно авторской методике, оптимальная численность участников группы составляет от четырех до восьми человек, включая преподавателя. Тем не менее, возможна работа в микрогруппе – преподаватель и студент. В целях инициации обсуждения вопроса, связанного с самовыражением, предусматривается использование следующих значков: «Кампания по атомному разоружению», «Я участвовал в марафоне», «Иисус жив!», «Горжусь, что я «голубой», «Желаю приятно провести день», «Спасите кита», «Место женщины – среди ее единомышленниц». Значки наряду с речью, одеждой, жестами являются одним из способов самовыражения, поэтому предлагаемое упражнение призвано помочь студенту понять и осознать степень влияния «личного стиля на рабочую практику» [Дозл М., Шадлоу С., с. 54].

Для этого проводится предварительное групповое обсуждение каждого из семи значков в течение трех минут. Студентам необходимо ответить на вопрос: «Какой смысл несет в себе каждый из значков?». Далее группе предлагается сравнить значки на предмет их «приемлемости», уместности и выявить их общие принципы и противоречия. На следующем этапе участникам необходимо ответить на вопрос «Существует ли ситуация, способная изменить вашу точку зрения на использование того или иного значка?» (например, визит человека с определенным значком в больницу, дом престарелых, заседание суда по делам несовершеннолетних). После групповой дискуссии участникам предлагается примерить на себя один из значков, описав окружающую обстановку и внешний вид человека, который мог бы надеть выбранный значок. Затем группа дает обратную связь (какие мысли и чувства возникают по поводу каждого участника со значком), а участник, примеривший значок, сопоставляет высказывания членов группы с собственными ожиданиями. В конце занятия студенты пишут краткий самоотчет. Необходимо отметить, что авторы методики допускают замену предлагаемых значков, т.к. «более наглядно и впечатляюще выглядят значки, если в них включены надписи, близкие по духу участникам обсуждения значков» [Дозл М., Шадлоу С., с. 55].

В результате апробации методики было установлено, что практико-ориентированная методика «Значки» позволяет участникам занятия поэкспериментировать с личным стилем, находясь в ситуации обучения. Групповая дискуссия помогает получить максимально полную обратную связь о том, как каждый из значков, может быть воспринят другими людьми, и какое влияние внешний вид может оказать на процесс формирования образа будущего профессионала. Участники приобретают уникальный опыт межличностного общения и самовыражения.

Данная методика способствует формированию следующих профессионально-этических

компетенций: способности прогнозировать поступки окружающих, опираясь на знания о личности собеседника, полученные из предыдущего опыта общения; готовности уважать мнение другого человека; способности соответствовать моральным нормам и образцам поведения, принятым в профессиональном сообществе.

Необходимо отметить, что хорошо отработанные методики тренинговых занятий по этике способствуют формированию доверия к преподавателю, как специалисту владеющему этическими программами успешной деятельности; создают климат «микрогруппы», благодаря которому синергично объединенный опыт студентов и преподавателя создает «зону ближайшего этико-морального развития» (См. Elena N. Viktoruk, Olga S. Ardykova Universals and Pragmatics as Substantial Reference Points of Modern Ethical Education / Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences 6 (2013 6). – Krasnoyarsk, 2013. – С. 896-904).

Моральный выбор, как система определенных стратегий, должен быть спроектирован и натренирован, что возможно только благодаря технологичным образовательным подходам. Хорошо отработанные методики по принятию этических решений: а) формируют доверие к компетентному специалисту, владеющему этическими технологиями успешной деятельности; б) создают благоприятный организационный климат, что позволяет достичь положительного эффекта, зачастую превосходящего очевидные «плановые» ожидания.

Библиографический список

1. Базаров Т.Ю. Управление персоналом /Под ред. Т.Ю. Базарова, Б.Л. Еремина. – 2-е изд., перераб. и доп. М: ЮНИТИ, 2002. 560 с.
2. Викторук Е.Н., Ардюкова О.С. Универсалии и прагматика как содержательные ориентиры современного этического образования // Журнал СФУ Серия: «Гуманитарные науки», 2013, том 6, №6, С. 897-905
3. Вюгт М. Избранные. Эволюционная психология лидерства /Марк Ван Вюгт, Анджана Ахуджа. М.: Карьера Пресс, 2012. 304 с.
4. Вяземский Е., Кишенкова О. Политика – искусство или идеальный лидер и профессия на все времена. URL: http://www.ug.ru/old/ug_pril/gv/97/22/t4_1.htm
5. Грицанов А. Новейший философский словарь: 3-е изд., исправл. Мн.: Книжный Дом. 2003. 1280 с.
6. Джуэлл Л. Лидерство в новую эпоху. URL: <http://www.management.com.ua/ld/ld016.html>
7. Дозл М., Шадлоу С. Практика социальной работы / Пер. с англ. яз., под ред. Б.Ю. Шапиро. – М.: АО «Аспект Пресс», 1995. – 237 с. – С. 54-62.
8. Иванова И.В., Смирнова О.В. Интегральное понимание лидерства: социально-философский аспект // Философия. Наука. Культура: Сборник статей слушателей, соискателей кафедры философии ИПФК МГУ. Вып.5, – М.: Издательство МГУ, 2003. – С. 100 – 105.
9. Калашников К. Роль и место теорий лидерства и командообразования // Управление персоналом, 2008, №6. URL: <http://www.top-personal.ru/issue.html?1520>
10. Лосев А.Ф. Эстетика возрождения URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Culture/Losev_EstetVozi/_Index.php
11. Мирзоян В.А. Управление и лидерство: сравнительный анализ теорий лидерства // Вопросы философии, 2013. URL: http://vphil.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=771&Itemid=52
12. Максвелл Дж. Воспитай в себе лидера. Минск: Попурри, 2007. 400с.
13. Москвич Ю.Н., Викторук Е.Н. Ценности инновационной деятельности для студентов, экспертов и предпринимателей Красноярска: желаемый идеал, надежды и реальность // Журнал Сибирского федерального университета Серия: «Гуманитарные науки», 2011, том 4, №11, С. 1507-1525
14. Рожички Э. Возможно ли моральное лидерство?. URL: <http://dialogs.org.ua/ru/cross/page10759.html>
15. Терехина, А.В. Компетенции и компетентности как критерии востребованности социумом будущих выпускников URL: <http://tiugsha.ru/docs/nich/iotvo2011.pdf>
16. Хавард А. Нравственное лидерство URL: <http://www.youtube.com/watch?v=-WpIUDbeJsl>
17. Elena N. Viktoruk, Olga S. Ardykova Universals and Pragmatics as Substantial Reference Points of Modern Ethical Education / Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences 6 (2013 6). – Krasnoyarsk, 2013. – С. 896-904
18. Фритцше Д., Этика бизнеса. Глобальная и управленческая перспектива СПб. - Олимп-Бизнес – 2002, 327 с.

МЕТОДИКА ПРОЩЕНИЯ ТРУДИ ГУВЬЕ КАК ЭТИКО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ ТЕХНОЛОГИЯ

Л.В. Довыденко

Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева

Научный руководитель доктор философских наук, профессор

Е.Н. Викторук

Современное общество живет в эпоху стремительных перемен, которые затрагивают все без исключения сферы общественной жизни. Изменения, происходящие в политической, духовной и социальной сферах напрямую связаны с изменениями в сфере морали, возрождением нравственной культуры, возрастанием потребности в воспитании у будущего поколения гуманистических, общечеловеческих ценностей. Востребованность этического образования на сегодняшний день является следствием гуманизации образования в целом, ориентации на человека и его потребности, увеличением значимости построения стратегий социальной карьеры и социальных коммуникаций в информационном глобализирующемся мире.

Отвечая на запросы стремительно меняющегося общества, этическое образование находится сегодня в ситуации смены парадигм, что отражается в расширении содержания предметной сферы этики, а также в изменении методологического и методико-дидактического обеспечения курсов прикладной этики. Новые этико-образовательные технологии в практико-ориентированных этических курсах развиваются в направлении исследовательского, инновационного обучения, в рамках которого учебный процесс проходит как поиск решений этических дилемм, иллюстрирующих примеры конкретных жизненных ситуаций.

Одной из таких технологий выступает концепция прощения, разработанная канадским философом Труди Гувье. Методика прощения была нами изучена и апробирована в рамках научно-образовательного проекта «Лаборатория прикладной и практической этики», действующего на кафедре философии и социологии КГПУ.

В своих работах Т. Гувье затрагивает понимание природы прощения, переводя его из межличностного контекста в общественно-этический. На практическом занятии студентам для анализа предлагаются описания событий, случившихся с реальными людьми в критические периоды истории (ситуация колониального заселения в Северной Америке и Южной Африке, гражданская война в Сьерра Лионе и Перу, смена правящих режимов в странах Латинской Америки и Восточной Европы). Особенностью всех ситуаций, представленных для анализа, является соотнесенность описываемых событий с процессами, происходящими в гражданском обществе в наше время. По мнению Р.Г. Асперсяна, традиционная для этики тематика прощения в работах Т. Гувье оказывается вплетенной в социологический и культурно-политологический дискурсы.

Освоение методики прощения осуществляется с использованием ситуационного анализа. Разбор предложенных Т. Гувье кейсов идет параллельно с изучением теоретических положений этики ненасилия.

Методика прощения опирается на ряд базовых аксиом, которые хорошо усваиваются обучающимися при последовательной работе с кейсами. Приведем лишь несколько наиболее важных:

Эмоции по поводу несправедливости и пережитого насилия подлежат оценке в отношении их адекватности и разумности. Существует различие между переживанием эмоции, разговором о ней и действием под ее влиянием.

Этические рассуждения в отношении непростительного следует отличать от теологических, идеологических, правовых.

В логическом аспекте этическое рассуждение может осуществляться как дедуктивное, индуктивное, абдуктивное, кондуктивное и рассуждение по аналогии.

Прощение – это не забвение, не извинение и не попустительство. Забывать моральную ошибку, извинять ее – значит способствовать непростительному в будущем.

Право на материальные компенсации имеют только жертвы первого порядка (Ж1), жертвы второго и третьего порядка – нет.

Прощение может носить односторонний, двусторонний или побуждающий характер.

Автор методики прощения ограничивает спектр ее применения, относящийся только к ситуациям гражданской войны, колонизации и деспотических режимов. Но есть моральные аргументы универсального плана: «Люди могут быть прощены, моральные ошибки – нет». Аргументы в пользу прощения, даже перед лицом последствий самых тяжких деяний, основаны на различии между субъектом и действием, а также моральным статусом субъекта, который является человеческим существом, заслуживающим уважения к его личности, обладает способностью к исправлению и преобразению.

Методика прощения иллюстрирует важность многих человеческих ценностей и принципов, которые можно отнести к двум группам [2]:

Ценности и принципы, связанные с уважением к личности, человеческим достоинством и правами человека (право на жизнь; право не быть наказанным, если не доказана вина; право на честный суд в случае обвинения; право на обращение, исключающее дискриминацию и на равенство перед законом; право на собственность; право жертв на возмещение ущерба; обязанность наказывать или соответствующим образом относиться к преступникам). Основанные на способности человека к размышлению, к выбору и моральному действию, эти ценности имеют международное признание и служат основанием прав человека. В контексте моральной теории, мы можем рассматривать эти ценности в качестве имеющих деонтологическое основание.

Ценности, связанные с благополучием, безопасностью и миром. Для того, чтобы люди в обществе действительно обладали правами человека, это общество должно характеризоваться высоким уровнем порядка и законности. Необходимым условием физической безопасности людей является мир. Мир можно определить как отсутствие войны и наличие ненасильственных механизмов для управления поведением в обществе. Без мира, жизнь настолько нестабильна, что права человека и моральный выбор значат очень мало. В контексте моральной теории, мы можем рассматривать мир и благополучие как ценности, имеющие консеквенциональное основание.

В процессе поиска решений предложенных кейсов необходимо учитывать обе моральные перспективы. Мы должны мыслить и в контексте принципов (А), и в контексте последствий (Б).

Методика прощения Т. Гувье содержит в себе не только философские, но психологические основания. В психологии подлинное прощение представляет собой нравственный акт и потому не может основываться на безнравственных мотивах. Несмотря на то, что многие люди начинают путь к прощению, будучи мотивированными потребностью в облегчении собственного страдания, наиболее вероятные кандидаты на роль мотивов в постоянном развитии готовности прощать нравственная, ориентированная на других любовь, а также смирение и готовность к безусловному принятию другого человека [1].

Технологию прощения по Т. Гувье мы определяем как этико-образовательную, поскольку она направлена на формирование навыков моральной оценки, этической аргументации и выработки решений высокой степени этичности. Посредством этой технологии происходит развитие ключевых профессионально-этических компетенций, которые интегрируют будущего выпускника в современное гражданское общество.

Библиографический список

1. Гассин, Э.А. Психология прощения [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://hr-portal.ru/article/psihologiya-proshcheniya>
2. Развитие этического образования в высшей школе / Труды Гувье (Канада) Тема 5: Рассуждение и применение [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://iph.ras.ru/uplfile/ethics/RC/ed/school2/materials/govier5.html>

ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ФИЛОСОФИИ ТЕХНИКИ

С.Н. Казицин

ФГБОУ ВПО «Сибирский государственный технологический университет»

Научный руководитель кандидат философских наук, доцент

С.А. Яровенко

Область философских интересов человека изменяется от одной эпохи к другой, с ростом значения той или иной области деятельности человека она становится все более самостоятельной, начиная привлекать к себе особое внимание. С преобладанием технических компонентов в современной цивилизации актуализируется и философская рефлексия феномена «техники». Первые работы по философии техники принадлежат немецкому философу Эрнсту Каппу и русскому инженеру Петру Климентьевичу Энгельмейеру.

В 1898 году в брошюре «Технический итог XIX века» П.К. Энгельмейер следующим образом формулирует задачи философии техники:

В любой человеческой активности, при всяком переходе от идеи к вещи, от цели к ее достижению мы должны пройти через некоторую специальную технику. Но все эти техники имеют между собой много общего. Одна из задач философии техники как раз и состоит в том, чтобы выяснить, что же такое это общее;

выяснение природы отношений между техникой и культурой в целом;

выявление природы соотношения техники с экономикой, наукой, искусством и правом;

разработка вопросов технического творчества.

Под «техникой» понимается система созданных средств и орудий производства, и также приемы и операции, умение и искусство осуществления трудового процесса.

Исторический процесс развития техники включает три основных этапа: орудие ручного труда, машины, автоматы, искусственный интеллект. Техника в своем развитии сейчас начинает приближаться к человеческому уровню, двигаясь от аналогии с физическим трудом и его организации к аналогиям с ментальными свойствами человека. По словам немецкого философа А. Хунига, техника во все исторические моменты выражает людей и идею человечности данного времени.

Одной из важнейших проблем, которой занимается философия техники, является концепция человека, создающего и использующего технику. В конечном счете, речь идет о влиянии техники на человека [9].

В XX веке феномен техники становится объектом изучения экономистов, социологов, антропологов, философов, что приводит к переводу изучения техники из узкотехнологических проблем в разряд междисциплинарных. В результате использования философского инструментария выделяются основные философские проблемы техники, некоторые из которых рассматриваются в данной статье.

Один из актуальных вопросов философии техники – вопрос о различении естественного и искусственного. Технические объекты, артефакты, как правило, имеют физико-химическую природу. Развитие биотехнологий показало, что артефакты могут иметь также биологическую природу. Рассматриваемые в качестве физических, химических, биологических явлений технические объекты в принципе не отличаются от природных явлений. Но есть существенное различие. Технические объекты представляют собой результат опредмечивания человеческой деятельности. Иначе говоря, артефакты есть символы специфики человеческой деятельности, они имеют свойства искусственного. Следовательно, их необходимо оценивать не только с природной, но и с социальной точки зрения. Техника – это человек, но не в его непосредственном, а в символическом бытии. Оценка феномен технико-символического бытия человека весьма неоднозначна в современной философии. Так, с точки зрения Карла Ясперса: «... техника двойственна... Поскольку техника сама не ставит перед собой целей, она находится по ту сторону добра и зла или предшествует им. Она может служить во благо или во зло людям. Она сама по себе нейтральна и противостоит тому и другому. Именно поэтому ее следует направлять». А Мартин Хайдеггер настаивает на том, что техника есть неподлинное существование человека.

Наряду с вопросом о различении естественного и искусственного в философии техники часто обсуждается проблема взаимоотношения техники и науки, при этом, как правило, наука ставится на первое место, а техника на второе. Характерно в этом отношении клише «научно-техническое». Техника часто понимается как прикладная наука, прежде всего как прикладное естествознание. В последние годы все чаще подчеркивается влияние техники на науку. Все в большей степени начинает оцениваться самостоятельное значение техники. Философии хорошо известна такая закономерность: по мере своего развития «нечто» из подчиненного положения переходит в более самостоятельную стадию своего функционирования и конституируется как особый институт. Так случилось и с техникой, которая давно уже перестала быть всего лишь чем-то прикладным. Технический, инженерный подход не отменил и не вытеснил научные подходы. Техники, инженеры используют науку как средство в своей ориентации на действие. «Действовать» – лозунг искусственно-технологического подхода. В отличие от научно-теоретического, избыточно созерцательного подхода, искусственно-технологический подход ориентирован на производство аппаратов, осуществление технологий.

Еще одна проблема философии техники – это оценка техники и выработка в этой связи определенных норм. Оценка техники была введена в США в конце 60-х годов XX века. Первоначально оценка технических параметров явно превалировала над оценкой социальных, этических и других гуманитарных последствий развития техники. В настоящее время все большее число экспертов по оценке техники указывает на необходимость преодоления применительно к технике парадигм фрагментации и редуционизма. При первой парадигме феномен техники не рассматривается системно, выделяется один из ее фрагментов. При второй парадигме техника сводится, редуцируется к ее природным основам. Выход из обеих ситуаций связан с систематической оценкой техники, сопоставлением альтернатив, предотвращением нежелательных технических действий. Оценка техники не может проводиться иначе, как с учетом системы идеалов, обоснование которых составляет одну из задач философии техники. Технические проекты должны быть разумными, полезными, безвредными для человека, соответствовать истинно человеческому, их временные горизонты должны быть обозреваемыми. Следовательно, принимающий технические решения должен быть осмотрительным и осторожным, способным к опережающему отражению действительности. Но кто должен принимать технические решения? Политик, менеджер, эксперт? Очевидно, что именно эксперт наиболее компетентен в вопросах систематической оценки техники.

Эксперт по вопросам техники в силу необходимости использования разнообразных знаний тяготеет к философии, к философским обобщениям. Он и есть философ, но не просто философ, интересующийся исключительно проблемами максимальной общности, а философ техники, представитель особой философской дисциплины – философии техники. [4]

Библиографический список

1. Горохов, В.Г. Введение в философию техники: учебное пособие /В.Г. Горохов, В.М. Розин. – М.: ИНФРА, 1998. – 224 с.
2. Горохов, В.Г. Основы философии техники и технических наук: учебник для студентов и аспирантов /В.Г. Горохов. – М.: Гардарики, 2007. – 335 с.
3. Горохов, В.Г. Философия техники //Степин, В.С. Философия науки и техники: учебное пособие; раздел IV, гл. 11 /В.С.Степин, В.Г.Горохов, М.А.Розов. – М.: Изд-во: Гардарики, 1999. – 400 с.
4. Канке, В.А. Философия: учебное пособие /В.А. Канке; изд. 2-е, перераб. и доп. – М.: Логос, 2005. – 240 с.
5. Можейко, М.А. Философия техники //Всемирная энциклопедия: Философия; гл. научн. ред и сост. А.А. Грицанов /М.А. Можейко. – М.: АСТ, 2001. – 1312 с. – С.1140-1142.
6. Некрасов, С.И. Философия науки и техники: тематический словарь-справочник /С.И. Некрасов, Н.А. Некрасова. – Орёл: ОГУ, 2010. – 289 с.
7. Розин, В.М. Философия техники /В.М. Розин //Интернет-версия издания: *Новая философская энциклопедия: В 4 тт.* /Ин-т философии РАН; Нац. обществ.-науч. фонд; председатель научно-редакционного совета В.С. Степин. – 2-е изд., испр. и допол. – М.: Мысль, 2010.
8. Розин В.М. Философия техники: От египетских пирамид до виртуальных реальностей /В.М. Розин. – М.: NOTA BENE, 2001. – 456 с.
9. Философия техники: история и современность //отв. ред. В.М. Розин. – М.: ИФ РАН, 1997. – 283 с.

ИНТЕРАКТИВНЫЙ ПОДХОД К РЕШЕНИЮ АКТУАЛЬНЫХ ФИЛОСОФСКИХ ПРОБЛЕМ ОБРАЗОВАНИЯ

Ю.О. Кикоть

ФГБОУ ВПО «Сибирский государственный технологический университет»

Научный руководитель кандидат философских наук, доцент

С.А. Яровенко

В современном образовании, вопреки декларируемой стратегии гуманитаризации высшего образования, реально – все меньшая роль отводится гуманитарным дисциплинам, таким как философия, логика, этика, эстетика, культурология, религиоведение. Но ведь именно философия играет особую мировоззренческую роль, аккумулируя культурно-исторический опыт и транслируя его последующим поколениям. Философия – это всегда актуальный интеллектуальный фонд человечества.

Так почему же в XXI веке встает вопрос, нужна ли вообще философия? Что она дает человеку? Каковы ее перспективы и возможности? Какое место она должна занимать в образовании современного человека?

На эти вопросы дано много различных ответов и некоторые из них, например, как в статье В.Я. Давидовича, представляются весьма злободневными: «Сложившиеся сугубо рыночные обстоятельства таковы, что для примитивных гешефтмахов философия взлеты излишни. Да и скороспелые политики не очень-то склонны к тому, чтобы упиваться логическими тонкостями, перебирать афоризмы, вдыхать аромат нетленных духовных ценностей. Правящим... не присуще стремление быть «философами на троне». Марк Аврелий не их кумир... Те, кто волею судеб несет ответственность за настоящее и будущее мира и страны, не могут, не понимать, что именно философы формируют и формулируют, представляют (репрезентируют) то, что... именуют «духом времени», излучая фундаментальные идеи во все области личного сознания...» [1].

Тем самым, очевидно, что для решения стоящих перед человечеством глобальных проблем необходима какая-то новая созидательная сила, источником которой возможно может стать сама философия. Но что же мешает?

В окружающем нас мире происходит быстрое развитие и широкое распространение новых образовательных технологий, расширяется рынок сбыта образовательных услуг, повышается эффективность, увеличивается разнообразие, а также сложность получаемых знаний. Появляются все новые методы обучения, принципы организации образовательного процесса, различные технологии передачи знаний, приемы и специальные техники запоминания большого объема информации, тренинги. Но при этом философия в XXI веке придерживается больше традиционного стиля обучения, не ориентированный на достижения технического прогресса, интерактивные методики. Для многих студентов философия это сумбурный набор знаний, который просто необходимо вы зубрить, и, сдав экзамен, – забыть навсегда. Подлинный потенциал философии, ее способность быть актуальным практическим знанием, будоражить умы, помогать познать себя самого, учить творчески мыслить, анализировать, искать ответы и пути решения сложных жизненных задач, формировать систему духовных ценностей и целостную картину мира, – все это остается вне понимания студентов, которые, даже сдав экзамен по философии, так и остаются в неведении: что же такое философия и зачем она включена в структуру вузовской программы?

Для того чтобы исправить эту неблагоприятную ситуацию, необходимо пересмотреть методику преподавания философии, стремиться к получению обратной связи от обучающегося, научить его мыслить самостоятельно, а не по шаблону, выработать у него ориентиры рационального поведения и мышления, которые так необходимы в постоянно изменяющемся информационном обществе. Главным образом преподавание философии должно быть релевантным современной эпохе. Необходимо применять достижения технического прогресса при проведе-

нии занятий, нужно пробудить интерес у обучаемого, развивать способности к быстрой адаптации и саморазвитию, умению противостоять различного рода манипулированию, и тем самым наделять обучающегося волей, сознательностью и свободой. А для этого необходим диалог, интерактивное общение преподавателя и студентов.

Необходимо также обогащать преподаваемую теорию живыми примерами, ситуациями, которые передадут «дух» историко-философского материала различных эпох, позволят эмпатийно «вчувствоваться» в культуру прошлого, чтобы понимать настоящее.

Современное философское знание сверхактуально, и вряд ли прикладные дисциплины в состоянии выступить альтернативой преподаваемым в системе вузовского образования курсам (и спецкурсам) философии науки, философии права, философии морали, философии политики, философии религии, философии культуры, философии личности и др. Однако, все меньше часов выделяется для изучения философских дисциплин, сокращается количество лекционных часов и практических занятий, по образцу «западной» модели высшей школы значительный объем теоретического материала предназначается для самостоятельного изучения, в то время как необходим его подробный обзор и углубленный анализ. Не секрет, что значительная часть современных абитуриентов, вчерашних выпускников средней школы, вопиюще необразованна, у них не только отсутствует адекватная шкала общечеловеческих (в том числе – нравственных) ценностей и цельное мировоззрение, они не только не имеют элементарных знаний в истории, географии (то есть с трудом ориентируются в культурных пространственно-временных координатах, не имея представления о том в какую эпоху жили Сократ и Платон, Александр Македонский и Цезарь, когда началось и закончилось средневековье, какой век называют Просвещением, кто победил в первой и во второй Мировых войнах, и т.п.), но и с трудом читают и пишут на родном языке, не прочитав ни одной художественной книги к моменту окончания школы. И этим «Митрофанушкам», которые ничего и не знают, и не хотят знать, предлагается самостоятельно изучать философские проблемы. Бессмысленное и тщетное занятие!

Аудиторных часов на изучение философии выделяется мало, и именно поэтому их необходимо использовать с максимальной эффективностью. Практические занятия – как раз та форма занятий, когда возможна и необходима обратная связь между преподавателем и студентами. Главное – это заразить обучаемого идеей, зажечь в нем искру удивления. Как говорил Мераб Константинович Мамардашвили: «Философия начинается с удивления. Но это не удивление тому, что чего-то нет, – нет справедливости, нет мира, нет любви. Это удивление тому, что что-то есть» [3]. Необходимо заинтересовать обучаемых, дать возможность зарождения дискуссии, научить самостоятельно и творчески мыслить, самостоятельно принимать решения и ответственность за них, направить к формированию собственного мнения, своих мыслей, а возможно и своей философии. Менторство и авторитаризм в преподавании философии неуместны, студент должен быть уверен, что его мнение ценно, и он будет услышан преподавателем.

Повышению эффективности преподавания философии может содействовать применение интерактивных методов обучения. Это может быть мозговой штурм, моделирование решения проблемных ситуаций, дискуссия, полемика, самостоятельный анализ оригинальных текстов, ролевые игры, посредством которых происходит знакомство со знаменитыми методами философов прошлого, таких как диалектика Сократа, диалогика Платона, дедуктивные умозаключения Аристотеля, поиск истины по Бэкону и др. Необходимо и техническое решение проблемы: аудитории должны быть оборудованы компьютерами с возможностью свободного выхода в Интернет для оперативного поиска необходимых текстов, on line просмотра учебных фильмов и т.п.

Целесообразно проводить занятия внеаудиторно, посещать музеи, творческие мероприятия. Ведь как показывают исследования: человек помнит 10% прочитанного; 20% услышанного; 30% увиденного; 50% увиденного и услышанного. Обучающимся иногда просто необходимо прочувствовать всё «в живую», потрогать, можно даже сказать «попробовать на вкус».

Именно философия в компетенции сформировать способность к системному, инновационному, всестороннему, логически аргументированному мышлению.

Какова бы ни была судьба философии в высшей школе, особенно в технических вузах, очевидно, что философия (и весь комплекс гуманитарного знания) и технические науки должны взаимно дополнять друг друга во избежание дисбаланса, как индивидуального, так и общественного мировоззрения.

Хочется верить, что судьба философии в высшей школе и в обществе в целом, будет благоприятной, а ее роль и мировоззренческий потенциал – по достоинству оцененными.

Библиографический список

1. Давидович, В. Е. Судьба философии /В.Е. Давидович //Вестник Российского философского общества. – 2003. – № 1. – С. 21-32.
2. Мамардашвили, М.К. Введение в философию /М.К. Мамардашвили. – СПб.: Азбука-классика, 2001. – 832 с.

ТВОРЧЕСТВО Б. АКУНИНА В ДЕКОНСТРУКТИВИСТСКОЙ ПАРАДИГМЕ

А.В. Огородникова

Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева

Научный руководитель кандидат философских наук, доцент

Н.И. Глухих

Сегодня мы все являемся свидетелями того, как мощные экономические, политические, духовные, особенно, внешние политические реальности (ситуация в Украине) изменяются значительно быстрее, чем языковая (текстовая), которая описывает эту ситуацию. Такие, казалось бы, уже известные дефиниции как федерализация, сепаратизм, неонацизм \ фашизм, терроризм, свобода, патриотизм, демократия требуют нового философского переосмысления, что, возможно, с нашей точки зрения, в рамках деконструктивистской парадигмы. Гуманитарная методология позволяет нам успешно, продуктивно работать с различными текстами, опираясь на интеллектуальный опыт феноменологов, герменевтов, семиотиков, структуралистов и постмодернистов. Дискуссии о судьбе постмодерна он жив или он, скорее, мертв, продолжаются в современной философии. На наш взгляд, скорее жив, так как проблема переосмысления классического идеала рациональности успешно разрешается в деконструктивизме Ж. Деррида.

Меня как магистранта филологического факультета в плане формирования профессиональной компетенции интересуют возможности исследования современного искусства, литературы с помощью теории и практики деконструктивизма.

Как справедливо отмечает И.П. Ильин: «... все основные представители постструктурализма (Ж. Деррида, Ж. Делез, Ф. Гваттари, М. Фуко, Ж. Лакан, Р. Барт, Ю. Кристева) <...> активно используют художественную литературу для доказательства и демонстрации своих гипотез» [Ильин 1998: 12]. Далее мы ограничимся только именем Ж. Деррида. Это обосновывается тем, что, его философия является явной демонстрацией основных тенденций современности. Философия Ж. Деррида проявляет общую интенцию деконструкции.

Возникает вопрос о том, как конкретно можно методологически использовать идеи деконструктивизма при анализе творчества Б. Акунина, известного российского писателя, япониста, литературоведа, переводчика. Его оценивают как постмодерниста в детективном жанре, причем постмодерн проявляется в формальных признаках: цитатность, интертекстуальность, ироничность.

Свое название деконструктивизм получил по основному принципу анализа текста, практикуемого Деррида – «деконструкции», смысл которой заключается в выявлении внутренней противоречивости текста, в обнаружении в нем скрытых и незамечаемых не только, «наивным читателем», но и ускользающих от самого автора «остаточных смыслов», доставшихся в наследство от дискурсивных практик прошлого, закрепленных в языке в форме мыслительных стереотипов, и столь же бессознательно трансформируемых современными автору языковыми клише. Деррида определяет текст как философскую категорию, которая является одновременно тро-

пом и риторической фигурой. Заменяя традиционные понятия сущего, бытия и сознания, Деррида говорит о том, что существует только понятие текста, вне которого не существует внешней по отношению к нему объективной реальности и связанной с ней деятельности сознания: «Внетекстовой реальности вообще не существует <...> реальная жизнь <...> всегда была письмом <...> в тексте мы читаем, что всякое абсолютное наличие <...> исчезло <...> а смысл и язык открываются нам лишь благодаря письму как отсутствию некоего естественного наличия» [Деррида 2000: 313-314]. Деконструктивизм формировался в США в течение 70-х годов в процессе переработки идей французского постструктурализма и окончательно оформился в 1979 году с появлением сборника статей Ж. Дерриды, П. де Мана, Х. Блума, Дж. Хартмана и Дж. Х. Миллера «Деконструкция и критика», получившего название «Йельского манифеста», или «манифеста Йельской школы». Помимо Йельской школы, одного из авторитетных направлений в американском деконструктивизме, также выделяются: герменевтическое направление, левый деконструктивизм, феминистская критика.

Нам интересно рассматривать в рамках деконструктивизма текст как взаимодействие означающих, которые составляют отсылки друг к другу в рамках одного текста или в форме интертекстуальных зависимостей. Интертекстуальность можно трактовать как связь между двумя художественными текстами, принадлежащими разным авторам и во временном отношении определяемыми как более ранний и более поздний. На сегодняшний день интертекстуальные взаимодействия представляют собой характерное явление для языка произведений Б. Акунина.

Из произведений Б. Акунина мы выбрали роман «Внеклассное чтение», которое позволяет говорить о наличии широкого круга источников интертекста в его языке. В романе 23 главы, где каждая названа по одному из классических произведений русской и мировой литературы прошлых веков. Дадим несколько примеров:

- 1 глава – «Рассказ неизвестного человека» (произведение А.П. Чехова)
- 2 глава – «Как вам это понравится?» (произведение В. Шекспира)
- 3 глава – «Смерть Ивана Ильича» (произведение Л.Толстого)
- 4 глава – «Амур и Псишея» (произведение Г.Р. Державина)

Мы не будем рассматривать все методологические рекомендации Ж. Деррида как: появление женского голоса, разрушение оппозиционных пар, удвоение текстов, появление в неожиданных местах пустого места, особое прочтение самого текста. Остановившись на интертекстуальности, мы попытались проанализировать роман Б. Акунина, который дал нам представление о деконструктивизме.

Проведенное исследование позволяет говорить о наличии широкого круга источников интертекста в языке романа Б. Акунина «Внеклассное чтение», в котором преобладающими являются цитаты из художественных произведений русских и зарубежных авторов. В романе встречаются цитаты из высказываний и работ исторических лиц, библейских текстов. Рассмотрение феноменов смысловой соотнесенности показало, что названия глав романа, которые повторяют названия шедевров мировой и художественной классики, строятся на противоречии между цитатой и контекстом. Каждая глава романа завершается цитатой из классического произведения, которым названа глава. С помощью цитаты Б. Акунин дает идейное завершение каждой главы.

Благодаря деконструктивизму, современная реальность раскрывается нам по-новому, происходит обновление методологического аппарата всех социогуманитарных наук, включая литературоведение. Мы можем рассматривать текст как философскую категорию в форме интертекстуальных зависимостей, что поможет становлению профессиональных качеств будущего педагога.

Библиографический список

1. Акунин Б. Внеклассное чтение: Роман. Т. 1. – ОЛМА-ПРЕСС, 2002. – 382 с.
2. Акунин Б. Внеклассное чтение: Роман. Т. 2. – ОЛМА-ПРЕСС, 2002. – 379 с.
3. Деррида Ж. О грамматологии. М., 2000.
4. Деррида Ж. Письмо и различие. М., 2000.
5. Ильин И. П. Постструктурализм. Деконструктивизм. Постмодернизм. – М.: Интрада, 1998.
6. Кротков Е.А., Манохин Д.К. Парадигма деконструктивизма: философско-методологический анализ Деррида // *Общественные науки и современность*. – 2006. – № 2. – С. 155-165.

НАУЧНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ В ЭКОЛОГИИ

Т.М. Огрызкова

ФГБОУ ВПО «Сибирский государственный технологический университет»

Научный руководитель кандидат философских наук, доцент

С.А. Яровенко

Стихийно экологические проблемы решались человечеством на протяжении всей естественной истории. Человек достаточно рано понял, что пользоваться природными богатствами необходимо рационально, не нарушая продуктивного физического и биологического природного устройства и сохраняя основу своего существования. На истоке своего развития экология занималась описательным изучением природы.

Корни экологического знания уходят в глубокую древность: наскальные рисунки, сделанные первобытными людьми, свидетельствуют о том, что интерес человека к окружающему миру превосходил обычную любознательность.

В эпоху Возрождения были сделаны великие географические открытия, которые, в свою очередь, послужили началом развития природопользования. Ученые и путешественники описывали внешнее и внутреннее строение растений, сообщали сведения об их зависимости от условий произрастания или возделывания. В описание животных входили сведения об их повадках, местах обитания. Значимые наблюдения, оказавшие влияние на развитие экологии, были выполнены учеными Российской Академии наук в ходе экспедиционных исследований, проводимых со второй половины XVIII века. Среди них были: С.П. Крашенинников, прославившийся своим «Описанием земли Камчатки», И.И. Лепехин – автор «Дневных записок путешествия доктора и Академии наук адъюнкта Ивана Лепехина по разным провинциям Российского государства» в 4 томах, академик П.С. Паллас, подготовивший капитальный труд «Описание животных российско-азиатских».

Значительный вклад в развитие экологической науки внес Ж.Б. Ламарк – один из родоначальников эволюционного учения, считавший, что важнейшей причиной приспособительных изменений организмов, эволюции растений и животных является влияние внешних условий среды.

Основателем отечественной экологии можно назвать профессора Московского университета К.Ф. Рулье. В своих трудах он настойчиво акцентировал внимание на необходимости изучения эволюции живых организмов, развития и строения животных в зависимости от изменений среды их обитания. Сформулировал принцип, лежащий в основе всех наук о живом – принцип исторического единства живого организма и окружающей среды.

Ключевым моментом в развитии экологического знания было возникновение термина «экология» (в переводе с греческого *oikos* – дом, жилище, и *logos* – учение). Слово «экология» впервые было использовано немецким биологом Э. Геккелем, который в своем труде «Всеобщая морфология организмов» в одном из подстрочных примечаний, впервые употребил слово «экология».

Экология как наука возникла в середине XIX века в основах биологической науки, которая к тому времени стала интересоваться помимо классификации всего живого и строением организмов, еще и реакцией животных и растений на условия существования.

Труды английского ученого-естествоиспытателя Ч. Дарвина – основателя учения об эволюции органического мира, сыграли важную роль в развитии экологических идей. Теория о присутствующей всему живому постоянной борьбе за существование принадлежит к числу центральных проблем экологии. Если Геккеля можно считать праотцом новой науки, предвосхитившим всю значимость и глобальность экологии, то Ч. Дарвин заложил ее биологический фундамент. Вначале экологическое знание имело практической целью регулирование численности экономически важных видов животных и изменение естественных сообществ в выгодном для человека направлении.

Важным шагом на пути экологии к изучению целостных природных комплексов стало введение в 1877г. немецким гидробиологом К. Мёбиусом понятия о биоценозе. Он один из первых применил к исследованию объектов живой природы системный подход, который направлен на раскрытие целостных свойств объектов и механизмов, на выявление многообразных связей

в биологической системе и разработку эффективной стратегии ее изучения. Системный подход к рассмотрению объектов живой природы является основным в экологии.

Как самостоятельная научная дисциплина экология оформилась около 1900 года. В процессе подробного исследования окружающей среды возник новый раздел экологии – аутоэкология, изучающая отдельные виды и организмы, их взаимоотношения с окружающей средой, имеющая большое прикладное значение в области биологических методов борьбы с вредителями растений, исследований переносчиков болезней и их профилактики.

Постепенно ученые-экологи перешли от стадии описательной к стадии осмысления собранных фактов. Интенсивное развитие получила экспериментальная и теоретическая экология. В 1920-1940 годах были сформулированы основные задачи изучения популяций и сообществ, предложены математические модели роста численности популяций и их взаимодействий, проведены лабораторные опыты по проверке этих моделей. Установлены математические законы, описывающие динамику популяций взаимодействующих групп особей. Экологи пытались объяснить и составить прогноз природных явлений. На данном этапе развития экологии остро ощущалась нехватка базовой единицы изучения. Такой единицей стала экологическая система, или экосистема. Термин «экосистема» был предложен английским экологом А. Тенсли в 1935г.

Огромное влияние на развитие экологии оказали работы выдающегося русского геохимика В.И. Вернадского, который изучал процессы, протекающие в биосфере, и разработал теорию, названную им биогеохимией, которая легла в основу современного учения о биосфере. Это стало новой вехой в естествознании, изучении взаимодействия и взаимоотношений между косной и живой природой, между человеком и окружающей средой. Он пришел к выводу, что биосфера тесно связана с деятельностью человека, от которой зависит сохранность равновесия состава биосферы.

Для успешного решения реальных экологических задач необходима совместная междисциплинарная работа исследовательских групп, каждая из которых представляет различные отрасли науки. Именно поэтому во второй половине XX века в экологии сложились экологические школы ботаников, зоологов, геоботаников, гидробиологов, почвоведов.

Развитие экологии повысило теоретическое и практическое значение таких наук о Земле, как метеорология, климатология, гидрология, гляциология, почвоведение, океанология, геофизика, геология. Существенно изменилась роль географии, которая стала стремиться не только дать более полную и многоплановую картину облика планеты, но и разработать научные основы ее рационального преобразования, а так же сформировать прогрессивную концепцию природопользования.

В современной экологии остается главной интегрирующая функция, оформившаяся в широкую комплексную отрасль, занимающуюся исследованием, прикладной деятельностью и содействующая развитию новых областей естественных, технических и общественных наук. Экология стимулирует «междисциплинарность» научной деятельности, ориентирует все науки на решение главной задачи – поиск гармонии человечества и природы. Современная экология учитывает специфику беспрецедентного по масштабам и характеру антропогенного воздействия на биосферу. Это воздействие во многом обусловлено переходом научно-технической революции на более высокий этап развития, объективно требующий осмысления многих порожденных ею противоречивых процессов и явлений в природе и обществе и ослабления наиболее опасных из них.

Предсказание В.И. Вернадского о том, что хозяйственная деятельность человека превращается в геологическую силу способную изменить мир, поставив его на грань экологической катастрофы, подтверждается. Усиление техногенного воздействия на природную среду породило целый ряд экологических проблем, из них самые острые связаны с состоянием окружающей среды.

Библиографический список

1. Акимов, О.Е. Естествознание: курс лекций /О.Е. Акимов. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2001. – 639 с.
2. Аллен, Р.Д. Наука о жизни /Р.Д. Аллен. – М.: Просвещение, 1981. – 302 с.
3. Алимов, А.А. Век XX: экология и идеология /А.А. Алимов, В.В. Случевский. – Л.: Лениздат, 1988. – 111 с.

4. Биосфера [Электронный ресурс]. – //Режим доступа: <http://www.biosphere21century.ru/>
5. Философия естественных наук: учебное пособие для вузов по специальности «Философия»; под общ. ред. С.А. Лебедева. – М.: Академический проект. Фонд «Мир», 2006. – 551 с.
6. Философия современного естествознания: учебное пособие для вузов /под общ. ред. С.А. Лебедева. – М.: ФАИР-ПРЕСС, 2004. – 304 с.
7. Бочкарев, А.И. Концепции современного естествознания /А.И. Бочкарев, Т.С. Бочкарева, С.В. Саконов. – Тольятти: Изд-во «Тольятти», 2008. – 386 с.
8. Вернадский, В.И. Научная мысль как планетное явление /В.И. Вернадский. – М.: Наука, 1991. – 271 с.
9. Горбачев, В.В. Концепции современного естествознания: учебное пособие для студентов вузов /В.В. Горбачев. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: ООО «Издательский дом «ОНИКС 21 век»; ООО «Издательство «Мир и Образование», 2005. – 672 с.
10. Гусев, Д.А. Концепции современного естествознания /Д.А. Гусев. – М.: Издательство: МИЭМП, 2010. – 176 с.
11. Канке, В. А. Концепции современного естествознания: учебник для вузов /В.А. Канке. – М.: Логос, 2006. – 368 с.
12. Концепции современного естествознания: учебное пособие для вузов /под общей редакцией проф. С.А. Лебедева. – М.: ФАИР-ПРЕСС, 2004. – 304 с.
13. Лебедев С.А. Философия естественных наук: учебное пособие для вузов. – М.: Академический проект, 2006. – 560 с.
14. Найдыш, В.М. Концепции современного естествознания: учебник /В.М. Найдыш. – Изд. 2-е, перераб. и доп. – М.: Альфа-М; ИНФРА-М, 2004. – 622 с.
15. Одум, Ю. Основы экологии /Ю. Одум. – М.: Мир, 1975. – 740 с.
16. Радзевич, Н.Н. Охрана и преобразование природы /Н.Н. Радзевич, К.В. Пашкаич. – М.: Просвещение, 1986. – 57 с.
17. Рузавин, Г.И. Концепции современного естествознания: курс лекций /Г.И. Рузавин. – М.: Юнити, 2007. – 287 с.
18. Экология и жизнь [Электронный ресурс]. – // Режим доступа: <http://www.ecolife.ru/>

К ВОПРОСУ О НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ МЕТОДОЛОГИИ ЭКОЛОГИИ

О.М. Ступакова

Сибирский государственный технологический университет

Научный руководитель кандидат философских наук, доцент

А.С. Черняева

Научно-техническая революция выводит современное общество на новый уровень производства, попутно обнажая глобальные проблемы человечества [1].

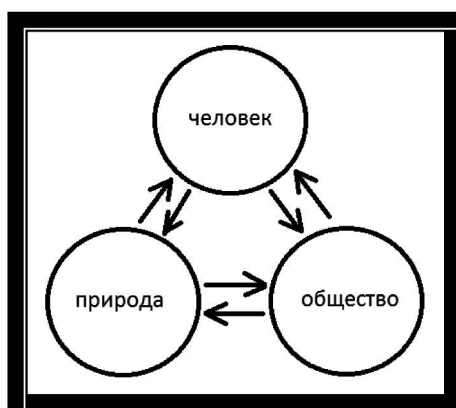
В комплексе глобальных проблем экологические проблемы занимают особое место, и сегодня эта наука перестала быть сугубо биологической, она вобрала в себя некую духовную составляющую (чистота мыслей и взаимоотношений, внутренняя умиротворенность человека и т.п.). Экологизация проявляется во всех формах деятельности людей и сопровождается возникновением целого ряда новых направлений исследования: экологическая политика, экологическая психология, социальная экология и т.п.

В конце XX века формируется новая отрасль философского знания – экологическая философия, представляющая как учение о взаимоотношениях между человеком, обществом и природой, рассмотренных с позиции философско-мировоззренческих, методологических и аксиологических знаний, с точки зрения соотнесенности объекта с окружающей его средой [4]. Одним из аспектов, которые рассматривает экологическая философия, является гармонизация человека с окружающей его средой. Этот вопрос сейчас очень актуален, поскольку научные исследования в области экологии носят всё более узкий характер, и наравне с общими глобальными проблемами человечества, на передний план выступает экология самого человека, как индивидуума.

Анализируя принципы экологической философии (принцип целостности, круговорота, адаптивности и гармонизации), можно сказать о том, что в современном мире и науке вопрос

гармонизации человека с окружающей средой является крайне важным. В современном индустриальном мире человек редко отождествляет себя с природой, ставит ее ниже себя, является потребителем. Экологические проблемы человечества привели к тому, что аспект установления человеком взаимодействия со средой встал довольно остро, учитывая экологическую неграмотность населения. А без установления взаимодействия невозможно говорить о гармонизации человека со средой.

Объектом своих исследований экофилософия поставила систему «человек – общество – природа», предметом – их экологические отношения. Таким образом, экофилософия рассматривает более узкую область, нежели сама философия. Линейное отображение данной системы не раскрывает полного ее содержания, ведь воздействия элементов носят двухсторонний характер. И человек влияет на социосреду и на природную среду, изменяя их; и природная среда и общество изменяют человека. Поэтому, правильнее будет изобразить предмет экологической философии в виде схемы:

Согласно общепринятой классификации общенаучные методологии включают в себя несколько подходов: системный, структурно-функциональный, кибернетический, вероятностный, моделирование, формализацию, синергетический подход.

Методологическую основу современной экологии составляет сочетание: системного анализа; натуральных наблюдений и измерений; эксперимента; моделирования. Широкое распространение получил системный подход, который рассматривает объекты как системы. Экология с помощью системного подхода анализирует природную среду как сложную, дифференцированную систему, различные компоненты которой находятся в равновесии.

Экологические системы как объект изучения имеют ряд особенностей: они структурно очень сложны, отличаются многоуровневостью и перекрестностью связей, а законы их функционирования многофакторны.

Системный подход в экологии состоит в определении составных частей экологической системы (подсистем) и взаимодействующих с ней объектов внешней среды, установлении совокупности внутренних и внешних связей, нахождении законов их функционирования.

Для современной науки все более характерным становится методологический плюрализм – стремление применять самые разнообразные принципы и приемы исследования в их сочетании и взаимодействии. Но не только интеграция методов характерна для развития методологии современных наук, но и разработка и появление новых методологий.

В 80-е – 90-е гг. Н.М. Солодухо была предложена и сформулирована общенаучная концепция «Всеобщей экологии». Данная концепция объединила разные направления экологии: биологическую экологию, экологию человека, экологию культуры.

Так, в контексте теории всеобщей экологии коллективом авторов были разработаны две новые общенаучные методологии:

1) гомогенно-гетерогенная методология (объективистская), сформулированная в виде общей теории неоднородности (ОТН);

2) ситуационная методология (субъективистская), выявившая системную и ситуативную составляющие событийности и учитывающая разнообразный опыт таких наук, как социально-экономическая география, экология, антропология, экономика, менеджмент, педагогика, психология, история.

Гомогенно-гетерогенный подход, разработанный Н. М. Солодухо, является особым общенаучным подходом к познанию действительности, который базируется на принципах однородности и неоднородности, принципе единства однородности и неоднородности [2]. Этот подход получил признание, особенно в экологических исследованиях, в которых руководствоваться только системной методологией – значит, в какой-то степени упускать динамический аспект системы «человек – окружающая среда». Стоит помнить о том, что в экологии важным понятием является сукцессия – процесс, присущий всем экосистемам, отражающий как раз факт того, что любая экосистема это, безусловно, сложно организованная единица, но при этом подверженная изменению своему во времени под действием множества факторов. И здесь, именно гомогенно-гетерогенный подход может отразить специфику, когда в развитии экосистем наблюдаются однородные периоды и состояния и неоднородные.

Можно для более наглядного вывода сравнить распространенный системный подход с ситуационным [5].

Категория	Системный подход	Ситуационный подход
главное понятие	система	ситуация
понятия первого круга	структура компонент функция развитие	фактор состояние условие динамичность
понятия второго круга	устойчивость организация иерархия сохранение целостность	неустойчивость неопределенность размытость временность изменение

С одной стороны, системная методология позволяет анализировать экологические темы с позиции их целостности и структурности, с другой стороны, ситуационная методология позволила бы оценивать эти же темы в динамическом аспекте, исследуя также и факторы, влияющие на изменение состояния системы. Ситуация, как определяющий фактор новой методологии, является живой действительностью [3], она не исключает наличие и возможность противоречия и случая, которые зачастую двигают научные изыскания вперед. Поэтому ситуационный подход является не только общенаучной методологией, но и междисциплинарной.

Актуальными сейчас направлениями в экологических изысканиях являются урбоэкология и видеозоология. Если пользоваться в своих исследованиях урбоэкологии сугубо системным подходом, то изыскания сведутся к регистрации состояния экосистемы города, выявлению связей между частями данной экосистемы, описанию характеристик системы. Добавляя же исследования этой же городской экосистемы по ситуационному подходу, можно заметно расширить картину и представить ее более адекватно, ведь исследования по данной методологии позволяют выявить динамические связи, факторы, из-за которых экосистема изменяется во времени. А текущее состояние городской экосистемы является только одной из ступеней ее развития.

Видеозоология, как очень молодая отрасль науки, изучает взаимодействие человека с окружающей видимой средой (видеосредой). Главным экологическим фактором в этой системе знаний является понятие визуальной среды. Данный фактор влияет на состояние человека. И человек, и визуальная среда, естественно, являются частями экосистемы. Исследования в этой области выявили характеристики визуальной среды, которые определенным образом влияют на состояние человека, что позволило классифицировать видеосреду на положительную и отрицательную, выявляя в ней гомогенные и гетерогенные пространства, их процентное соотношение.

Ситуационный подход позволяет также смоделировать состояние человека в меняющейся визуальной среде, оценить степень эмоционального воздействия факторов, соотнести и проанализировать, каким образом различные факторы (архитектура, освещение, наличие наружной рекламы, зеленые насаждения, цвета фасадов и покрытий, наличие малых архитектурных форм) в своем взаимодействии формируют тот или иной тип визуальной среды. Визуальная среда является новым понятием в экологии, но является крайне важным экологическим фактором, который влияет на физическое и психическое состояние человека.

Экологические исследования носят всё более узкий характер. И если век своей истории эта отрасль знания формировала собственную систему, наращивала и анализировала информацию об окружающем мире и взаимодействии его составных частей, выстраивала иерархию, то на современном этапе своего развития экология углубляется в изучение взаимодействия самого человека с окружающей средой, учитывая нарастание экологических проблем. Всестороннее же изучение в подобной отрасли знания не представляется всесторонним без применения ситуационного подхода, отражающего динамику влияния факторов, поскольку знания о главном стержневом понятии «система» уже накоплены.

Библиографический список

1. Некрасов С.И., Некрасова Н.А. Философия науки и техники: тематический словарь справочник. Учебное пособие С.И. Некрасов, Н.А. Некрасова. – Орёл: ОГУ, 2010. – 289 с.
2. Солодухо, Н.М. Гомогенно-гетерогенный подход в структуре гомогетерогеники. Монография. – Казань: КГТУ-КАИ, 2006.
3. Солодухо, Н.М. Методология ситуационного подхода в научном познании // *Фундаментальные исследования*. – 2005. – № 8 – стр. 85-87.
4. Сабирзянов, А.М. Экологическая философия как область знания // *Актуальные вопросы всеобщей экологии: По материалам Международного (СНГ) семинара / Под общ. Ред. проф. Н.М.Солодухо*. Казань: Изд-во Казан. гос. техн. ун-та. 2007. С.13-21.
5. Сабирзянов, А.М. Ситуационный подход в философско-экологическом контексте: монография / А.М. Сабирзянов, Н.М. Солодухо. – Казань: Изд-во Казан. гос. техн. ун-та, 2013. – 215 с.

РОЛЬ МАТЕМАТИЧЕСКИХ ЗНАНИЙ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

И.В. Турова

Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева

Научный руководитель доктор педагогических наук, профессор

Л.В. Шкерина

Математика, возникшая около двух с половиной тысяч лет назад в связи с практическими потребностями человека, преобразовалась в комплексную науку, обеспечивающую развитие современного общества. Возникнув в древности в результате попыток человека постичь законы мироздания, она продолжает волновать умы человечества до сих пор. Математика сегодня является мощным фактором развития личности человека и частью общечеловеческой культуры.

Если обратиться к истории философии, то мы увидим что ученые, создавшие математику, рассматривали ее как составную часть философии, которая служила средством познания мира. Не случайно, квадривий, изучавшийся в Древней Греции (а затем получивший широкое распространение в Средние века как повышенный курс светского образования в школах и университетах), включал в себя арифметику, геометрию, астрономию и музыку. О значении математики для человечества говорит и тот факт, что книга Евклида «Начала», написанная в III в. до н.э. (содержащая основы элементарной геометрии, теории чисел, алгебры и т.д.), издавалась наибольшее число раз, не считая Библии [3].

Сегодня наблюдается тенденция математизации знаний. Это означает, что научное знание интерпретируется с помощью математических теорий и основных понятий, либо с помощью математических методов или моделей фиксируются и описываются отношения реальности, выяв-

ленные закономерности [1]. Широкое проникновение математики и ее методов в другие отрасли знания является важным фактором взаимодействия наук, которое способствует обогащению различных отраслей знаний.

Так на стыке математики и других наук, где она применяется, возникают новые отрасли знания: математическая физика, математическая логика, математическая биология, математическая лингвистика, математическая психология и другие науки. Число таких отраслей знания в наше время постоянно растет [2].

Значение математики и математических знаний в современном обществе признано на уровне государства. Этому свидетельствует ряд нормативно-правовых документов принятых в 2013 году. К таким документам относятся:

Концепция развития математического образования в Российской Федерации (утверждена распоряжением Правительства РФ от 24 декабря 2013 г. №2506-р), которая представляет собой систему взглядов на базовые принципы, цели, задачи и основные направления развития математического образования в Российской Федерации. Так же разработан план мероприятий по реализации Концепции развития математического образования в Российской Федерации, но он еще не утвержден.

Профессиональный стандарт педагога (утвержден приказом Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации от 18 октября 2013 г. № 544н), в котором отдельный раздел посвящен компетенциям, которыми должен обладать учитель математики и др.

Математическое образование в России, как и во многих других странах, начинается с дошкольного возраста. На данном этапе развития ребенка формируются элементарные математические представления, содержание которых можно представить пятью разделами: «Количество и счет», «Величина», «Геометрические фигуры», «Ориентировка в пространстве», «Ориентировка во времени»[4].

Следующим уровнем математического образования является начальное общее образование. Данная ступень характеризуется общеобразовательной направленностью, и дифференциация математического содержания может осуществляться только на уровне математической подготовки детей. Одной из задач начального общего образования является развития интереса к математике.

На уровне основного общего образования сохраняется ориентация на фундаментальный характер образования. Школьники осваивают основополагающие понятия и идеи, создающие основу математической грамотности, необходимой как тем, кто в дальнейшем планирует связать свою профессиональную деятельность с математикой, так и для тех, у кого математика не станет сферой непосредственной профессиональной деятельности.

Говорить о профильной дифференциации можно только на уровне среднего общего образования, когда у подростков сформировался устойчивый интерес к этой дисциплине. Федеральным государственным образовательным стандартом предусмотрены следующие профили: общеобразовательный, общенаучный, математический.

Для общеобразовательного профиля предполагается общий курс математики, направленный на повышение функциональной грамотности, ориентированный на умственное развитие и формирование знаний, умений, необходимых для повышения успешности и мобильности человека в современном мире.

Для общенаучного профиля предполагается специальный курс математики, представленный в двух аспектах естественнонаучном и научно-гуманитарном.

Для математического профиля предполагаются углубленные курсы, обеспечивающие собственно математические, физико-математические и информационно-математические профили. Именно учащиеся научного и математического профилей составят в будущем основу кадрового потенциала, обеспечивающего научный, технический, технологический и социальный прогресс. Их математическая подготовка должна быть не ниже мировой, на основе отечественных традиций [5].

По мере усложнения задач, которые решает общество, возрастает роль математики, в связи, с чем появляется потребность и необходимость в освоении математических знаний не толь-

ко специалистами технических специальностей, но и специалистами социально-гуманитарного направления.

Потенциал математики для социально-гуманитарного направления можно рассматривать в следующих аспектах:

Математика выполняет важную роль в развитии интеллекта, формировании мышления и личностных качеств человека. М.В. Ломоносов говорил математика «ум в порядок приводит». Одной из основных задач учебной дисциплины «Математика», в рамках университетской программы является развитие абстрактного мышления. Формирование логического (дедуктивного), алгоритмического мышления, а так же таких важных качеств как гибкость и конструктивность мышления в процессе обучения математике вносит важные и специфические компоненты, которые не могут быть эффективно реализованы даже всей совокупностью остальных дисциплин естественнонаучного цикла. Именно математика воспитывает такой склад ума, который требует критической проверки и логического обоснования тех или иных положений и точек зрения.

Математика изучает модели реальных процессов и явлений, описываемых на математическом языке. Человек, знающий математический язык, способен глубже проникнуть в суть реальных процессов, правильно ориентироваться в окружающей действительности. Существенную роль играют умения правильно обрабатывать информацию, статистические данные, делать из имеющегося статистического материала достоверные выводы и прогнозы. Ценность специалиста, владеющего этими навыками, существенно возрастает.

Математика – значительная часть общечеловеческой культуры, такая же важная, как история, философия, экономика, правоведение. Все наилучшие достижения человеческой мысли и составляют основу гуманитарного образования, необходимого каждому специалисту XXI века.

Математика закладывает часть фундаментальной подготовки студента. Знание некоторых математических понятий, формул и умение их применять на практике пригодятся в других учебных дисциплинах естественнонаучного и профессионального циклов.

Умение формулировать математические утверждения, доказательства, оперировать предметной речью, строящейся по определенным законам (краткость, четкость, лаконичность, минимизация и т.д.) – все это необходимо для формирования профессиональной речи специалиста.

Обучение математике ориентировано не столько на собственно математическое образование, в узком смысле слова, сколько на образование с помощью математики [2].

Таким образом, математическое образование, в целом начиная с общего образования и заканчивая профессиональным, необходимо рассматривать как важную составляющую фундаментальной подготовки человека. Математика является не только мощным средством решения прикладных задач и универсальным языком науки, но также элементом общей культуры. Главной задачей обучения математике на современном этапе становится не только изучение основ математической науки как таковой, а общеинтеллектуальное развитие – формирование качеств мышления в процессе обучения, необходимых для полноценного функционирования и динамичной адаптации человека в современном обществе.

Библиографический список

1. Алексеев И.А. Проблема математизации научного знания // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки, 2008. №1. С. 3-8.
2. Арбузов П.В., Гуде С.В., Герасименко В.Н., Медянец Д.В. Роль математики в современном мире. [Электронный ресурс]: Кафедра информационного обеспечения ОВД РЮИ МВД России – Режим доступа: <http://posobie-mii.narod.ru/Glava1.3.htm> (дата обращения 20.04.2014).
3. Башмакова И.Г., Маркушевич А.И. История математики с древнейших времён до начала нового времени, т. 1, М., 1970.
4. Воронина Л. В. Математическое образование в период дошкольного детства: методология проектирования: дис. ... докт. пед. наук: – Екатеринбург, 2011.
5. Михайлова Л.Л. Роль математики в инновационном развитии современного общества. [Электронный ресурс]: Образовательный портал: Электронный журнал Экстернат.РФ, социальная сеть для учителей, путеводитель по образовательным учреждениям, новости образования. – Режим доступа: <http://ext.spb.ru/index.php/skype/2976-2013-05-21-09-05-25.html> (дата обращения 20.04.2014).

КЕЙС-СТАДИ КАК ИНТЕРАКТИВНАЯ ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ТЕХНОЛОГИЯ

О.В. Шевченко

Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева

Научный руководитель доктор педагогических наук, профессор

Т.В. Фуряева

Современная отечественная образовательная система (ФГОС) призвана обеспечить высокий образовательный уровень населения страны. Стратегической задачей процесса образования определено повышение качества образования на основе эффективного использования новых педагогических технологий обучения. В связи с этим педагогами ведётся поиск эффективных форм и методов обучения, позволяющих осуществлять переход от объяснительно-иллюстративного к активному типу обучения, нацеленному на поисково-творческую деятельность учащихся (студентов). В этой связи особое значение приобретают методы активного обучения и адекватное их применение в образовательном процессе. Наряду с традиционными методами и приемами всё большую популярность приобретает интерактивное обучение.

В современном эволюционном ритме объём информации, необходимой для усвоения, увеличивается в разы. А поскольку информация быстро устаревает и нуждается в постоянном обновлении, обучение, ориентированное, главным образом, на запоминание, не может полностью удовлетворить современным требованиям. Необходимы такие методы обучения, которые позволят учащимся самостоятельно находить и усваивать нужную информацию. Ведь лучше всего запоминается то, что усвоено самостоятельно, методом проб и ошибок. При этом роль педагога будет в том, чтобы направить, указать путь, но не давать все в готовом виде, подвести итог проделанной самостоятельной работы учащегося (студента), указать на ошибки. При активном обучении пробуждается личностная заинтересованность, улучшаются результаты обучения, наблюдается повышение эмоционального фона, оптимизируется работа памяти обучающихся и изменение их общего отношения к обучению.

На протяжении всего периода становления и развития педагогики велась активная полемика о роли ученика, о его активности или пассивности в образовательном процессе. Одни педагоги рассматривали учащегося как объект педагогического воздействия, другие считали равноправным участником процесса обучения и отдавали его активности главенствующую роль в обучении. Идеи активного обучения берут своё начало в античном мире. Ещё Пифагор (VI в. до н.э.) считал, что правильно осуществляемое обучение должно происходить по обоюдному желанию учителя и ученика. Демокрит (460-370 до н.э.) впервые в истории педагогической мысли высказал императив о необходимости соотносить воспитание с внутренней природой ребёнка (принцип природосообразности), которую он назвал «микрокосмом». В обучении Демокрит выделял упражнение, основанное на сознательном интересе к изучаемому предмету. Сократ (470-399 до н.э.) главной жизненной задачей человека считал нравственное самосовершенствование, отсюда стремление к самопознанию. Целью воспитания он считал пробуждение мощных душевных сил ученика, развитие мыслительных способностей человека, постижение таких истин, как верность, честность, правдивость, честь, дружба. Педагогическое мастерство педагога проявилось в использовании технологии нового по тем временам метода – диалога с учеником. Сократические беседы произвели революцию не только в обучении и воспитании, но и оказали огромное влияние на развитие философской и общественной мысли. Ученик Сократа, философ Платон (427–347 до н.э.) впервые в педагогике определил проблему факторов, влияющих на развитие личности. Считал, что при обучении следует учитывать личные склонности ученика, а в воспитании необходимо соблюдать «золотую середину»; был убеждён, что между наставником и учеником необходима тесная духовная связь; подчёркивал важность развития эстетического восприятия ребёнка средствами музыки, танцев, игр и поэзии. Аристотель (384–322 до н.э.) продолжил проблему исследования факторов, влияющих на развитие человека. Древнеримский

мыслитель Сенека (4 г. до н.э. – 65 г. н.э.) целью обучения считал постижение природы и самого себя, задачей – моральное совершенствование человека, а основным средством воспитания – назидательные беседы – проповеди с наглядными примерами из жизни и истории. Крупнейший философ античности Квинтилиан (42 – 118 г.г, а в некоторых источниках 35 – 90 г.г.) выстроил стройную методику обучения ораторскому искусству. Цель воспитания он видел в формировании у человека гражданских чувств и свобод. Квинтилиан считал, что умение вызывать у учащихся интерес к обучению является обязанностью учителя [8].

Благодаря педагогическим идеям античных философов, в эпоху Возрождения сложилось новое понимание процесса обучения как добровольного, сознательного и радостного, с чем связаны и методы обучения – принцип «мягкой руки», широкое применение морального поощрения. Всё настойчивее звучала мысль о внимательном, бережном отношении к личности ребёнка. Идея гуманистов о связи обучения с жизнью сделала основным критерием образования его полезность, прежде всего для подготовки человека к жизни в обществе.

Передовые гуманистические взгляды на воспитание и обучение детей отражены в трудах Мишеля Монтеня (1533-1592). Много внимания он уделял вопросам развития детской самостоятельности, выдвигая императивное требование: «Я не хочу, чтобы в классе говорил бы всегда один учитель. Пусть ученики работают, наблюдают, говорят». По его мнению, учитель должен развивать умственные способности и навыки самостоятельного мышления учеников, а не «вливать знания, словно воду в воронку». Выступал против телесных наказаний, противопоставляя насилию идеал свободного и радостного учения [8]. Ян Амос Коменский (1592-1670) в работе «Великая дидактика» писал, что стремление к учению пробуждается и поддерживается в детях родителями, учителями, школой, а также методами обучения: «Чтобы способности пробуждались самим методом, необходимо его разумно оживлять и делать приятным именно так, чтобы как бы оно ни было серьёзно, преподавалось дружеским и приятным образом в форме бесед, состязаний, разгадывания загадок или в форме притч или басен...». Ж.-Ж. Руссо (1712-1778) в своём труде «Эмиль» ниспровергает бытовавшие представления о ребёнке и детстве, провозглашая право детей на уважение. Наставнику вменялось в обязанность строить преподавание, опираясь на опыт и инициативу ребёнка, посредством конкретных, наглядных, сократических форм и методов. И. Г. Песталоцци (1746-1828) в «Памятной записке» раскрывает гуманистические представления педагога – демократа о целостном развитии личности, намечает пути установления гармонии между всеми сторонами развития личности: интеллектуального, физического и нравственного [6]. А. Дистервег (1790-1866) настаивал, чтобы учитель использовал силы ученика, возбуждал его деятельность. Дж. Дьюи (1859-1952) одной из главных задач учебного процесса считал развитие активности молодого поколения. К проблеме активности обучения в разное время обращались отечественные педагоги-мыслители: Н. А. Бердяев, Л. С. Выготский, Н. А. Добролюбов, А. С. Макаренко, С. Л. Рубинштейн, В. А. Сухомлинский, К. Д. Ушинский, Н. Г. Чернышевский.

При традиционных формах обучения, и при лекционном способе общения, и в процессе индивидуальной работы обмен осуществляется только через преподавателя.

При активном способе обучения общение в группе – основная форма взаимодействия, создающая учащимся (студентам) оптимальные условия для того, чтобы он мог развить и выразить свое собственное мнение, обосновать свою точку зрения. При этом происходит процесс превращения собственного мнения в достояние личности, в убеждения.

Существенным достоинством методов интерактивного обучения по сравнению с традиционными является принятие новых способов и стратегий поведения. Важно заметить, что в методе интерактивного обучения источником новой информации становится не только преподаватель и учебная литература, но и весь коллектив обучающихся. Преподаватель лишь помогает выбирать нужную информацию из обсуждаемых проблем и направляет ход дискуссии [3; 7].

Одним из наиболее значимых и эффективных интерактивных методов обучения, на наш взгляд, является case – study или кейс – метод. Кейс (с англ. – случай, ситуация) – это разбор ситуации или конкретного случая, деловая игра. В России кейс технологии называют методом анализа конкретных ситуаций (АКС), ситуационными задачами.

Впервые данный метод был применен в Гарвардской школе бизнеса в 1924 году. С 50-х годов двадцатого века бизнес-кейсы активно распространились в Западной Европе. В мировой образовательной практике кейс-стади широко распространился в 1970-1980-х годах. В СССР ситуационный анализ использовался передовыми преподавателями на экономических факультетах и часто применялся (мог сочетаться) с игровыми и дискуссионными методами.

Приход в нашу страну технологии кейса обусловлен экономическими переменами 1990-х годов и выразилось в кардинально новых требованиях к умениям специалистов. Во всех сферах экономики и общества становится востребованным специалист, умеющий работать в команде, способный генерировать идеи и технологии их внедрения, имеющий склонность к инновациям, умеющий оперативно работать с огромными объемами информации различных видов. В последние годы в России наметилась тенденция к использованию кейс-метода не только в бизнес-образовании, но и в предметном обучении, в том числе естественным и гуманитарным дисциплинам. В 2012 году А. М. Деркач защитил в Российском государственном педагогическом университете им. А. И. Герцена первую в России диссертацию по использованию кейс-метода в химическом образовании. По А. М. Деркачу под кейс-методом понимается активный метод обучения, основанный на организации преподавателем в группе студентов обсуждения задания, представляющего собой описание конкретной ситуации с явной или скрытой проблемой. Источником кейсов, по его мнению, могут являться ситуации, описанные в специальной литературе, разборы неисправностей и методов их устранения, публикующиеся в профессиональных изданиях и др.

В современном образовании степень эффективности данного метода очень высока, поэтому данный метод продолжает завоевывать новых сторонников и широко используется во всем мире.

В основе интерактивной технологии кейс – стади лежит описание (анализ) конкретной жизненной ситуации. В изложении данной ситуации лежит скрытая или явная проблема и (или) противоречия. Учащиеся получают от учителя пакет документов (кейс), при помощи которых либо выявляют проблему и пути её решения, либо вырабатывают варианты выхода из сложной ситуации, когда проблема обозначена.

Данная технология успешно применяется для получения знаний по таким дисциплинам, где трудно дать однозначный ответ на поставленный вопрос, где ответы могут соперничать друг с другом за право истинности. Это могут быть уроки права, экономики, обществознания, истории, литературы; это темы, требующие анализа значительного количества первоисточников и документов.

К кейс технологиям, активизирующим учебный процесс относятся:

метод инцидента (обучающийся получает краткое сообщение о каком – то случае или ситуации и должен самостоятельно собрать и проанализировать информацию, необходимую для принятия решения);

метод разбора деловой корреспонденции (учащиеся получают от учителя пакет документов, папки с описанием ситуации, помогающие найти выход из сложного положения и вопросы, которые позволяют найти решение);

метод ситуационного анализа (учащимся предлагается текст с подробным описанием ситуации и задача, требующая решения; в тексте могут описываться уже осуществленные действия, принятые решения). Данный метод является самым распространённым, так как позволяет глубоко и детально исследовать сложную ситуацию [9].

Тщательная подготовка к проведению занятия, семинара с использованием данной интерактивной технологии является залогом успешного решения проблемной ситуации (кейса). Поэтому перед её применением необходимо учитывать цели и задачи каждого занятия, характер материала, возрастные и психологические возможности обучающихся.

Ознакомление с кейсом может происходить непосредственно на уроке (лекции) или розданы заранее – в зависимости от цели, которую преследует педагог. Учитель может использовать готовые кейсы, а также создавать собственные разработки. Особого внимания требует подбор источников по теме кейса. Это могут быть художественные произведения, научная информация, кинофильмы, СМИ, а также опыт самих учащихся. Особое мастерство педагога заключается в уме-

лом сочетании традиционных и интерактивных технологий обучения, при этом важно, чтобы они были взаимосвязаны и гармонично дополняли друг друга [4; 5].

Достоинствами интерактивной технологии кейс – стади являются:

Общение педагога и учащихся в диалоге. При этом растёт умение слушать и слышать друг друга, терпеливо относиться друг к другу. Педагог оказывает помощь в формировании мировоззрения, в индивидуальном видении путей решения задачи. Демократический стиль общения учителя и ученика, учащихся между собой как залог доверия внутри коллектива.

Организация педагогом самостоятельной познавательной деятельности учащихся. Получение учащимися и педагогом в процессе подготовки и решения кейса новых знаний и обретение новых смыслов по изучаемой проблеме. Дана полная возможность выражения своего индивидуального отношения, своей точки зрения к явлениям и предметам жизни.

Создание ситуации успеха, поскольку принятие решения и выбор учащимися происходит самостоятельно и осознанно.

Рефлексия. Это самоанализ, объективная самооценка участниками педагогического процесса своей деятельности, взаимодействия. А со стороны педагога – это позитивное и оптимистичное оценивание учащихся.

Усвоение учебного материала в нужном объеме и в сроки, определяемые (обусловленные) психофизиологическими особенностями обучающихся, что помогает предотвратить перегрузки учащихся [1].

Мы видим, что интерактивный метод кейс – стади направлен не только (не столько) на освоение конкретных знаний или умений, сколько на развитие общего интеллектуального и коммуникативного потенциала всех участников педагогического процесса.

Одновременно можно отметить, что работа в данной методике способствует выявлению новых, до этого скрытых, возможностей педагога: раскрывается его творческий потенциал, совершенствуются организаторские способности, вырабатывается умение чувствовать атмосферу коллектива, мудро им управлять. Наполняя данный метод новыми педагогическими смыслами, педагог создаёт свой неповторимый стиль общения с учащимися. Всё это выводит его на новый профессиональный уровень.

Итак, поскольку использование интерактивной педагогической технологии кейс – стади в педагогических учреждениях является эффективным методом повышения уровня знаний учащихся и совершенствования педагогических компетенций самого педагога, считаем применение данной педагогической технологии актуальной и востребованной в современном образовательном процессе.

Библиографический список

1. Гуревич А. М. Рольевые игры и кейсы в бизнес-тренингах. СПб., 2006.
2. Джуринский А.Н. История зарубежной педагогики: Учеб. пособие. – М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 1998. – 346 с.
3. Кларин М. В. Инновации в мировой педагогике: Обучение на основе исследования, игры и дискуссии: (Анализ зарубежного опыта) / М. В. Кларин. – Рига: Эксперимент, 1995. – 247 с.
4. Кларин М. В. Интерактивное обучение – инструмент освоения нового опыта / М. В. Кларин // Педагогика. – 2000. – № 7. – С. 12–19.
5. Кларин, М. В. Инновационные модели обучения в зарубежных педагогических поисках / М. В. Кларин. – М., 1994. – 224 с.
6. Кларин М.В. Технология обучения: идеал и реальность. – Рига: Эксперимент, 1999. – с.118).
7. Коменский Я. А., Локк Д., Руссо Ж. – Ж., Песталоцци И. Г. Педагогическое наследие / Сост. В. М. Кларин, А. Н. Джуринский. – М.: Педагогика, 1989 – 416 с. (Библиотека учителя).
8. Мазалова М. А, Уракова Т. В. История педагогики и образования. Пособие для сдачи экзамена. – М., Высшее образование, 2006 г. – 192 с.
9. Михайлова Е. И. Кейс и кейс- метод: общие понятия / Маркетинг. 1999. № 1. С. 107–111.
10. Смолянинова О. Г. Инновационные технологии обучения студентов на основе метода Case Study // Инновации в российском образовании: СПб.; М.: ВПО, 2000.

Молодежь и наука XXI века
XV Международный форум студентов,
аспирантов и молодых ученых

Материалы научно-практической конференции
Секция «Философия и социология»

Красноярск, 23–24 апреля 2014 г.

Электронное издание

Статьи представлены
в авторской редакции

660049, Красноярск, ул. А. Лебедевой, 89.
Редакционно-издательский отдел КГПУ,
т. 217-17-52, 217-17-82

Подготовлено к изданию 02.06.14.
Формат 60x84 1/8.
Усл. печ. л. 9,75